

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽²⁾
ВЕСНА — ЛЕТО
2005

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Е.И. Кычанов.* «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань» (1101–1113) 5
- Н.А. Добронравин.* Фула-хауса-арабская медицинская рукопись «Фә'ида ҳақйқа шурб ас-санә'» (из собрания СПбФ ИВ РАН) 35
- С.Б. Чернецов** Биография на службе агиографии: литературная судьба эфиопского святого Елисея, второго настоятеля Дабра Асбо, в позднейшей дабралибаносской житийной традиции 43

ТЕКСТОЛОГИЯ

- М.С. Пелевин.* Стихотворные фрагменты в афганских религиозно-дидактических сочинениях XVII в. (по рукописям из собрания СПбФ ИВ РАН) 66
- О.М. Чунакова.* Пехлевийские эпистолярные формулы 89
- Е.Ю. Кнорозова.* «Сны Южного старца» Хо Нгуен Чынга 93

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев.* Представления манихеев о времени 111
- К.А. Жуков.* Присоединение бейлика Кареси к Османскому государству (по данным османских хроник, эпиграфики и нумизматики) 127

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2005

<i>А.С. Мартынов.</i> Надписи и модели как памятники культуры (на материале традиционной китайской культуры)	131
<i>И.Т. Зограф.</i> Межуровневые связи и языковая интерференция (на материале документов монгольской канцелярии)	167
<i>Б.В. Норик.</i> Жизнь и творчество среднеазиатских историков литературы XVI–XVII вв. Хасана Нисари и Мутриби Самарканди	183

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>О.В. Васильева.</i> Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки	217
<i>В.О. Бобровников.</i> Каталог рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркских языках из Кабардино-Балкарии	239
<i>Ю.А. Иоаннесян.</i> Санкт-Петербургская коллекция материалов по бабизму и религии бахаи (XIX — начало XX в.)	304

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Д.Д. Васильев.</i> О подготовке электронного каталога памятников письменности тюркоязычных кочевников Евразии эпохи раннего средневековья (по материалам коллекций российских музеев)	321
<i>Ц.П. Ванчикова.</i> Международный семинар «Письменное наследие монгольских народов: актуальные проблемы информационного обеспечения восточноведных исследований», Улан-Удэ, 2–6 августа 2004 г.	323

На четвертой стороне обложки:

«Пурпурный» Коран. Ок. 1440 г. Северная Африка. Из собрания П.П. Дубровского (к статье О.В. Васильевой)

Над номером работали:

Р.И. Котова
В.В. Волгина
Л.Л. Михалевский
Э.Л. Эрман
И.Г. Ким
О.В. Волкова
М.П. Горшенкова
А.В. Богатюк

РЕЦЕНЗИИ

<i>О.В. Васильева.</i> Л.В. Дмитриева. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук	327
<i>К.А. Жуков.</i> Восточный сборник. Вып. 6. Сост. и ред. О.В. Васильева	329
<i>Р.В. Березкин.</i> Чэ Силунь. Чжунго баоцзюань цзун му (Сводный каталог китайских <i>баоцзюань</i>)	331
Памяти коллеги Алексей Георгиевич Сазыкин (1943–2005)	335

Б.В. Норик

© 2005
Санкт-Петербург

Жизнь и творчество среднеазиатских историков литературы XVI–XVII вв. Хасана Нисари и Мутриби Самарканди

В данной статье речь пойдет о двух наиболее заметных деятелях литературной жизни Средней Азии XVI–XVII вв. — Хвадже Хасане Нисари и его ученике Мутриби Самарканди. Оба они являются авторами литературных антологий (*тазкира*), которые без преувеличения можно назвать основой для реконструкции литературной жизни в Средней Азии на протяжении целого столетия. Дополнив сведения этих антологий сообщениями других источников, мы сможем «оживить» литературный процесс столетия, положившего начало «темным векам» в истории среднеазиатской литературы¹. Итак, обратимся теперь к нашим героям.

I

Хваджа Баха ад-Дин Хасан, пользовавшийся *тахаллусом* «Нисари», или, как указано на титульном листе берлинской рукописи, Хасан Хваджа Накиб ал-Ашраф Бухари², происходил из уважаемой семьи бухарских *саййидов*. Нисари был сыном Падшах-хваджи б. Сулайман-хваджи б. Йахйа-хваджи б. Харун-хваджи б. *шайх* Мухаммад-хваджи б. Садр-хваджи б. Занги Ата. А Занги Ата возводил свою духовную генеалогию к имаму Мухаммаду Ханафи. По матери Нисари является потомком Баха ад-Дина Накшбанда Бухари в шестом колене (по ТД — в пятом, л. 92б). Мутриби Самарканди пишет, что «его благословенная сущность была собранием похвальных качеств». Нисари был благочестив, «ни шагу не ступал он по земле без омовенья». В подвижничестве не знал себе равных. Пользовался уважением знати и черни, богатых и бедных. Все «лучшие люди» Бухары поддерживали общение с ним. Несмотря на преклонный возраст, к удивлению многих, характер его не испортился (ТШ, л. 152б–153а). Его дед, Хваджа 'Абд ал-Ваххаб, претендовал на физическое и духовное происхождение от Занги Ата, правнука Мансура Ата (ум. в 594/1197 г.), бывшего первым духовным преемником Ахмада Йасави (ум. в 562/1160 г.), основателя ветви Йасавийа³. Отец нашего автора был одним из выдающихся людей своего времени. Как-то он рассказал своему сыну, что в детстве видел во сне Мухаммада, обещавшего сделать его известным человеком. Так и случилось. Кепек-мирза назначает его

Норик Борис Вячеславович — м.н.с. Сектора Среднего Востока СПбФ ИВ РАН.

¹ В данной статье ссылки на рукописи будут приводиться непосредственно в тексте. Наиболее распространенными сокращениями будут: ТШ — «Тазкират аш-шу'ара» и ТД — «Та'рих-и Джахангири» (автором обоих сочинений является Мутриби Самарканди). Сразу следует оговориться, что эти сочинения были доступны нам только в виде микрофильмов, что несколько ограничивает свободу оценки некоторых моментов, связанных в первую очередь с информацией на полях (особенно это относится к ТШ).

² См.: Storey C.A. Persian Literature. A Bio-bibliographical Survey. Vol. I-II. L., 1927–1971. Vol. I. Pt. 2. P. 802 (далее — Storey).

³ Согласно С. Фазлаллаху — ветви Чиштийа (*Fazlullah S.M. Introduction // Mudhakkir-i ahbab. Haiderabad, 1969. P. 3–38*) (далее — *Fazlullah*).

сначала *садром*, а затем и *шайх ал-исламом*. Это был благочестивый, справедливый человек, заботившийся о нуждах обездоленных. Отмечая способности отца, Нисари пишет, что особенно одарен он был в области поэзии и стилистики, так что письма, им составленные, хранились у румского султана. По словам Нисари, именно его отец ввел в Мавераннахре жанр «искусственной» *касиды*, сочинив ее в прославление ‘Адил-Шах-султана, где применил большое число сложных технических фигур. Он составил два *дивана* — на персидском и на тюрки. Далее Нисари приводит образцы стихов *сайида* Падшах-хваджи, в том числе две *газали* (одну на персидском, другую — на тюрки, в *макта’* которых последний использует *тахаллус* «Хваджа»)⁴. *Газаль* на тюрки вместе с *руба’и* на том же языке были отправлены Бабуру, который кроме похвалы не смог прислать никакого поэтического ответа. Помимо всего прочего *сайид* Падшах написал *татаббу’* (прямое подражание) на поэму «Махзан ал-асрар» («Сокровищница тайн») под названием «Максад-и атвар» («Цель [описания] образа жизни»), а также одноименный ответ на «Лайли ва Меджнун» Низами Ганджеви (между 533/1138 и 543/1148 — ок. 605/1209 г.)⁵. Обе эти поэмы были написаны на языке тюрки. Умер *сайид* Падшах в возрасте 67 лет и был похоронен рядом с могилой Хваджи Бузургвара⁶. Поэтическое мастерство *сайида* Падшаха прекрасно выражено в его *руба’и*, пользовавшемся чрезвычайной популярностью:

هرگز ز دماغ بنده بوی تو نرفت وز دیده من خیال روی تو نرفت
در آرزوی روی تو بودم همه عمر عمرم همه رفت و آرزوی تو نرفت⁷

Никогда твой аромат обоняния моего не покидал
И из глаз моих образ лика твоего не исчезал.
В мечтании о лице твоём пребывал я всю жизнь,
Вот, жизнь моя вся прошла, а мечта о тебе не ушла.

Биографические сведения о нашем авторе достаточно скудны и в основном черпаются из его собственного *тазкира*, а также из антологии Мутриби «Тазкират аш-шу‘ара» («Памятка о поэтах»), написанной около 1013/1605 г.⁸ Нисари родился в 924/1516 г. в Бухаре, где провел все свое детство⁹. Начальное образование он получил под руководством своего отца, затем продолжил обучение в *медресе* Балха, Герата, Казвина и Машхада под руководством известнейших ученых того времени: Сафи ад-Дина Мустауфи Руми (*хадисы*; от него Нисари получил *иджаза* на преподавание

⁴ Хасан Нисари. Музакир-и ахбаб. Хайдарабат, 1969. С. 505–512 (далее — Музакир-и ахбаб).

⁵ Музакир-и ахбаб. С. 346, 511. «По весьма еще неполным данным известно более сорока „ответов“ на „Сокровищницу тайн“ Низами, написанных на персидском языке, и несколько ответов на языках тюркских... десятки (будто бы даже сотни) ответов на „Лейли и Меджнун“ на персидском и тюркском языках» (Бертельс А. Низами // Низами. Пять поэм. М., 1988. С. 3–16). О поэме «Максад-и атвар» см.: Тагирджанов А.Т. Поэма узбекского поэта XVI в. Падши-Ходжи «Максад ал-атвар» — «Цель [описания] образа жизни» (Ученые записки ЛГУ. № 396. Серия востоковедных наук. Вып. 21. Востоковедение. 5. Л., 1977. С. 192–201).

⁶ Музакир-и ахбаб. С. 512. Имеется в виду Баха ад-Дин Накшбанд (ум. 792/1389).

⁷ Там же. С. 510.

⁸ Следует отметить, что в своем втором сочинении, «Та’рих-и Джухангири», Мутриби тоже упоминает о Нисари, но там сведения более краткие (ТД, л. 92б–94а).

⁹ Нисари рассказывает, что еще до его рождения его мать видела сон, в котором ей было приказано назвать сына в честь Хваджи Бузургвара (т.е. Баха ад-Дина Накшбанд). По случаю рождения сына поздравить *сайида* Падшаха пришел известный ученый и литератор того времени — Ибн Рузбихан, нарекший нашего автора именем Баха ад-Дин Хасан. Высокий гость в честь столь радостного события сочинил и своей собственной рукой записал *кит’а*, некоторое время хранившееся у Нисари (Музакир-и ахбаб. С. 139–140).

хадисов)¹⁰, Ма'сума Хваджи 'Ишки (методы рецитации Корана)¹¹, Амира Махди ал-Хусайни (математика и астрономия)¹², Маулана Кийам ад-Дина Балхи (математика и астрономия)¹³, Маулана Мухаммада (медицина)¹⁴, Мир Махмуда Бачки (музыка)¹⁵ и ряда других. Нисари стремился к изучению наук и во многих из них был искусен, особенно в науках математических. Был он сведущ в астрономии, знаком с астролябией. Нисари рассказывал Мутриби, что он хотел в сводах, представляющих собой земные полушария, очертить все особенности земли и неба (размеры, страны и т.д.) в соответствии с представлениями современной ему науки. Однако это не встретило поддержки Хумайуна и дальнейшего продолжения не получило (ТШ, л. 1536). Надо сказать, что сын Бабура, Хумайун (937–963/1530–1556)¹⁶, был великолепным астрономом и высказывал в этой области весьма интересные мысли и суждения. Так, однажды он начертил земной шар «по слоям расположения основных элементов» (طبقات عناصر کلی) и раскрасил каждый слой своим цветом. И в каждой небесной сфере (فلک) должным образом расположил его звезду (کوکب) (ТШ, л. 1536).

Хасан-хваджа был знаком с огромным числом людей самых разных сословий. Так, Нисари был дружен с Мухаммад-Рахим-султаном б. Хаджим-ханом Хваризми и вел с ним оживленную переписку. Мутриби сообщает, что, когда Рахим-султан был убит 'Абдаллахом II, Нисари сильно огорчился, но, смирившись с судьбой, произнес следующую *бейт*:

هر نیک و بدی که در شمار است چون در نگرى صلاح کار است

На все хорошее и плохое, что нам выпадает,
Коль взглянешь — все это к лучшему.

Мутриби также сообщает о заочной дружбе Нисари с одним из крупнейших придворных поэтов Акбара, Файзи Хинди (فیضی ہندی). Между ними шла оживленная переписка, они обменивались подарками. Мутриби пишет, что в 999/1590-91 г. в Бухару пришли торговцы из Лахора и привезли Нисари письмо от Файзи, в котором последний сообщал о том, что занимает должность *малик аш-шу'ара* при дворе Акбара. Письмо начиналось следующим *бейтом*:

ای دل برابر شہپر شوق و گزار خط کفر محبت است نوشتن بیار خط

О сердце, пред птичьим пером страсти и плавностью почерка
Неверие есть любовь составления письма для друга.

В качестве *vale* в конце письма мы читаем такой *бейт*:

رسانند این رقعہ دردمندی بدست حسن خواجه نقشبندی

Доставить это скорбное письмецо Хасану Хвадже Накшбанду.

Каждый *'унван* письма был украшен *газалью* Файзи. Кроме того, в письме были две *касиды*: одна в честь Акбара, другая — *фахрийе* (самовосхваление). На обе

¹⁰ Музакир-и ахбаб. С. 326.

¹¹ Там же. С. 370.

¹² Там же. С. 373.

¹³ Там же. С. 348. У Фазлаллаха неверно — Шийда (*Fazlullah*. P. 7).

¹⁴ Музакир-и ахбаб. С. 292.

¹⁵ Там же. С. 335. Дарвиш-'Али Чанги в «Тухфат ас-сурур» отмечает, что Нисари был очень сильным музыкантом и учеником Каукаби (*Дарвиш-'Али Чанги*. Тухфат ас-сурур. Рукопись СПбФ ИВ РАН D 483, л. 1356) (далее — ТС).

¹⁶ Хумайун является автором сочинения по математике «Мухтасари дар байан-и даван-и 'изам» («Кратко об объяснении больших кругов»). См.: Матвиевская Г.П., Розенфельд Б.А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII–XVII вв.). Кн. 2. М., 1983. С. 553 (далее — Матвиевская, Розенфельд).

касиды, а также на *газаль* Нисари написал ответ и отправил письмом в Индию (ТШ, л. 186а–187а; ТД, л. 14а–166).

В 961–964/1553–1556 гг. Нисари путешествует по Индии, а в 964–966/1556–1558 гг. принимает участие в литературной жизни Турции. Оставшуюся часть жизни проводит в Бухаре — преподает и создает свои произведения: «Чар Гулзар» («Четыре Розария»), историческое сочинение «Нафахат ал-кудс» («Дуновение рая»), «Бахарийат» («Касиды о весне»), 18 *таркиббандов*, прозаическое собрание анекдотов «Хасан ва Хусайн», «Анис ал-‘ушшак» («Собеседник влюбленных»), а также около пятисот отдельных *бейтов*. Из прозаических произведений Нисари до нас дошли только отрывки (за исключением его *тазкира*)¹⁷. Наш автор был двуязычным поэтом, писавшим стихи на персидском и тюрки. Около 200 *бейтов* собственного сочинения включил он в свое *тазкира*. Поскольку он щедро раздавал дирхемы, то *тахаллусом* его стало слово «Нисари» (نثاری — «осыпающий дарами») (ТШ, л. 153а). Дарвиш-‘Али Чанги в своем сочинении «Тухфат ас-сурур» пишет, что во времена ‘Абдаллаха II Нисари занимал должность *малик аш-шу‘ара* в Бухаре (ТС, л. 135б). Он составил поэтический *диван*. Хорошо писал как обычные (مطبوع), так и «искусственные» (مصنوع) стихи. Был большим мастером сочинения «искусственных» *касид* и использования сложнейших поэтических фигур (ТШ, л. 156б). В подтверждение Мутриби приводит целиком *касиду* «قصيده مطير معتد مشجر منور مضله موشح مصنوع ممتنع» («الجواب»)¹⁸, написанную Нисари по приказу ‘Абдаллаха II. Мутриби отмечает, что упомянутая *касида* состоит из 21 *мувашишаха* (акростиха), и далее объясняет их (ТШ, л. 157а–160б). Кроме того, Нисари написал ответ на *касиду* Сана’и¹⁹ «Кар-нама», которую поэт прислал из Индии в Мавераннахр с просьбой написать ответ. В эту *касиду* он включил цифры от единицы до ста по порядку. Мутриби приводит *матла* ‘этой *касиды*. Из ответной *касиды* Нисари извлекается целый ряд новых стихов и отдельных *бейтов*. В «Тухфат ас-сурур» мы находим ответ Нисари на известную *касиду* Файзи Хинди «Кашмир», которую наш автор посвятил ‘Абдаллаху и городу Бухаре (ТС, л. 135б–138а).

Кроме того, Мутриби приводит три обыкновенные *газали* Нисари (по пять *бейтов* каждая), а на полях л. 161б мы находим два его *руба’и* (ТШ, л. 160б–161б). Приведем здесь одну из *газелей*, написанную в прославление Мухаммада:

¹⁷ Каримов У. Адабиёти тоҷик дар асри XVI. Душанбе, 1985. С. 78 (далее — Каримов).

¹⁸ Так, известный знаток поэтики Шамс-и Кайс пишет: «Что касается разных видов *мувашишаха*, то стихи, изображенные в форме дерева, именуются *мушадджжар* (مشجر; „разрисованное деревьями и листьями“)… А стихи в виде птицы называют *мутаййар* (مطير; „разрисованное птицами“), в форме круга — *мудаввар* (مور; „круглый“), а начертанные в виде переплетения геометрических форм именуют *му’аккад* (معتد; „узловатый, запутанный“). *Музалла* (مضلع) же представляют собой окаймленные стихи (Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (ал-Му’дждам фи ма’айир аш’ар ал-‘аджам). Ч. II. О науке рифмы и критики поэзии. Пер. с персидского, исслед. и коммент. Н.Ю. Чалисовой. М., 1997 (ППВ. CVI). С. 269–271). *Мувашишах* (موشح) представляет собой буквы (стоящие в любой части слова) или слова (стоящие в любой части предложения), соединение которых образует новое слово или предложение. Имеет большое число разновидностей (Камал ад-Дин Хусайн Ва’из Кашифи. Бадаи’ ал-афкар фи санаи’ ал-аш’ар (Новые мысли о поэтическом искусстве). Изд. текста, предисл., примеч. и указат. Р. Мусульманкулова. М., 1977. Л. 30б).

¹⁹ Сана’и (ثنائي), известный как Хваджа Хусайн Сана’и (خواجه حسين ثنائي), был достаточно авторитетным поэтом. Родился в Машхаде в семье местного *вазира*, славу приобрел в Индии. Некоторое время был *вазиром* шаха Исма’ила Сафави. Потом уехал в Бухару и вел дела одного из *амиров* ‘Абдаллаха. В конце концов уехал в Индию, где с помощью одного из ханов добился аудиенции у Акбара, прочел в его честь *касиду*, и дела его пошли в гору. Некоторое время он состоял на службе у Акбара в качестве *маддаха*. Красноричев. Хорошо знал поэтическую науку. Составил *диван* стихов. Был сведущ и в других науках, особенно в астрономии («*илм-и хикмат ва хай’ат*). Стихи Сана’и очень любил Хаджи-бий Кушчи. Поэт умер в Лакхоре, не достигнув зрелого возраста (ТШ, л. 219а–220а; ТД, л. 20б–21б).

خورشید لمعه ز جمال محمد است
 در هر کجا که هست الف تازه سینه را
 از کلک صنع صورت یوسف که رخ نمود
 نقصان کمال و عیب هنر گر نبود چه عیب
 باقامت خمیده نثاری چو ماه نو
 گل پر توی ز عارض آل محمد است
 در آرزوی تازه نهال محمد است
 گویا نمونه ز جمال محمد است
 آن را که عنز خواه کمال محمد است
 مایل بابروی چو هلال محمد است

Солнце — луч красоты Мухаммада,
 Роза — сияние ланит рода Мухаммада.
 Всюду, где в сердце есть новый друг,
 Он мечтает о новой поросли Мухаммада.
 Лик Йусуфа, явленный изяществом творения,
 Словно образец красоты Мухаммада.
 Коль нет недостатка в совершенстве и изъяна в искусстве, что за беда?
 Тому оправданьем — совершенство Мухаммада.
 Нисари с согбенным станом, словно новый месяц,
 Склоняется перед бровью-полумесяцем Мухаммада.

Мутриби сообщает, что, по мнению Нисари, стихи не должны были выпадать из «круга доверия» (دایره اعتبار), т.е. ученик всегда должен был показывать свои стихи своему учителю и лишь потом, получив одобрение, читать их другим. Так, например, талантливый ученик Нисари, Таййиби (تایبی), сочинил ответ на «искусственную» *касида* своего учителя. *Касида* не удалась и принята не была. Другой ученик Нисари, На'и (نایی), без разрешения учителя сочинил *касиду*, которая поэтому не была одобрена. На'и на этом не остановился. Он взял поэтический *диван* и *тазкира* Нисари, отобрал из них все лучшее и составил *рисала* в честь Кулбабы Кукельташа. Однако, поскольку он не заручился поддержкой учителя, и здесь у него ничего не получилось. Нисари сочинил о нем такое *руба'и*:

ای مله نایی که تعبیر مکر و فنی
 بردی سخنان خوب از تذکره ام
 معلوم نمی شود که دزد حسنی
 دایم همه جا از اخذ سخنی
 Эй, клещ тщеславный²⁰, хитрый и ловкий толкователь
 Всегда и всюду похищенных слов.
 Унес ты изящные слова из моего *тазкира*
 И не скажешь, что ты искусный вор.

Неудивительно, что с тех пор дела его не заладились. Что бы он ни писал, сильные мира сего не обращали на него никакого внимания. При этом На'и был весьма образованным человеком и талантливым поэтом (ТШ, л. 216а–б; ТД, л. 123а).

В то же время, несмотря на всю свою серьезность и степенность, Нисари с юмором относился к профессии поэта. Он нередко говаривал Мутриби: «В сравнении с другими потомками Хваджи Баха ад-Дина Накшбанда — да освятится его могила — я самый нищий, поскольку являюсь поэтом».

Следует отметить, что образцы творчества Нисари встречаются в поэтических сборниках нечасто. Так, из 58 сборников, рассмотренных О.Ф. Акимушкиным, стихи поэта с *тахаллусом* «Нисари» встречаются лишь в двух²¹.

Мутриби сообщает, что Нисари умер, когда ему было за 80, и был похоронен на территории *мазара* Баха ад-Дина Накшбанда, у дверей кельи *шайха* (ТШ, л. 161б; ТД, л. 94а). Дата смерти, по словам Мутриби, содержится в выражении «شیخ با کمال» = 1004/1595-96 г. (ТД, л. 94а).

²⁰ Здесь обыгрываются значения слова نایی — «исполнитель на флейте (*нае*)» и «гордый, тщеславный».

²¹ См.: Акимушкин О.Ф. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения РАН. Вып. 10: Поэтические сборники, альбомы. М., 1993 (16:75 — *хит'а* В 250 (273с), л. 101а и 51:36 — *газаль*, С1592 (Nov. 1261), л. 47б. С. 113 и 223) (далее — Акимушкин).

Следует иметь в виду, что в XV–XVI вв. жили еще четыре поэта, писавших под псевдонимом «Нисари» — Мухаммад ‘Али Джалаир Нисари, Нисари Туни из Калабада, Нисари Табризи и Нисари Казвини (последний — современник нашего автора)²².

Основным произведением нашего автора является *тазкира* «Музакир-и ахбаб» («Воспоминание о друзьях»). Во вступлении к своему труду Нисари упоминает о двух других *тазкира*, написанных до него, — «Тазкират аш-шу‘ара» («Памятка о поэтах») Даулатшаха Самарканди (закончено в 892/1487 г.) и «Маджалис ан-нафа’ис» («Беседы об утонченных») Нава’и (начато в 896/1490–91 г.). Воздавая должное столь авторитетным авторам, Нисари пишет, что первое сочинение доведено до времени Султан-Хусайна Байкары (873–912/1469–1506), а второе охватывает период от рождения Хусайна Байкары практически до «захода солнца его правления»²³. Далее Нисари пишет:

جمعی از فضلاء که بعد از تذکره مجالس النفايس امير منکور به ظهور آمده اند که اسامی سامی ایشان در تحت ضبط در آمده از روایح انفايس نفيسه ایشان شمه بمشام جان طالبان واصل گردد و به مضمون حديث الشيبی لا یبتی الا وقد تثلث تذکره ثالته ظاهر گردد و هر آينه از مطالعه آن علمی باتار احیاء و احوال موتی پدید خواهد آمد. شعر: ان آثارنا تدل علينا* و انظروا بعدنا الى الآثار. فقیر حقیر کثیر التصصیر بحکم المأمور معذور قلم بیان را بنان گرفته اسامی شریفه اعزه عظام و اجله کرام را جمع نموده به تبعیت آیه کریمه — ان هذه تذکره — تذکره مذکور را مرتب گردانیده مترنم این مقال گردید. بیت: نقصان ما کمال شود عیب ما هنر* لطفتم نمی که رو بخطا پوشی آورد²⁴

«Малая толика от ароматов драгоценных дыханий (высказываний) некоторых ученых мужей, появившихся после *тазкира* „Маджалис ан-нафа’ис“ и не записанных в нем, достигает обоняния душ взыскующих и по смыслу *хадиса*: „Ничто не удваивается без того, чтобы не утроиться“ — появляется третье *тазкира*, и всякий раз по его прочтении приходит знание о бессмертных трудах и обстоятельствах [жизни и] смерти. Стихи:

Воистину, созданное нами характеризует нас,
А после нас — взгляните на наши труды.

Сей ничтожный бедняк многогрешный, [по причине подчинения] долгу прощенный, *калам* повествования кончиками пальцев взяв, благородные имена уважаемых людей сановных и достойных мужей великодушных [вкупе] собрав и в следовании священному *айату*: „Воистину, это — поучение“ — сие *тазкира* составив, завел эту беседу. *Бейт*:

Недостатки наши станут совершенством, огрехи — искусством
В тот миг, когда твоя милость обратится к сокрытию ошибок».

Приведенный отрывок представляет собой далеко не самый сложный и изощренный образчик стиля нашего автора. Справедливости ради следует отметить, что «Музакир-и ахбаб» написано не таким уж сложным языком и мест, в которых автор создает неудобочитаемое нагромождение риторических фигур, не так уж и много. Говоря о поэтах, автор обычно пишет простым и понятным языком, и лишь в повествова-

²² *Fazlullah*. P. 8–9. Следует заметить, что Нисари Табризи около двадцати лет жил в Казвине, что вполне достаточно для приобретения второй *нисбы* «Казвини». Вместе с поэтом Казви Ахмадом Фигари состоял на службе у Амира Таки ад-Дина Мухаммада, внука Амира Джамал ад-Дина Мухаммада Садра. Враждовал с Мухташамом Каши и писал на последнего *хаджвы* (поношения), совершенно не достигавшие цели, поскольку популярность Мухташама была очень велика. Так что эти пародии стали причиной порицания не Мухташама, а самого Нисари. В стихах он обладал неповторимым стилем. Составил ответ на *диван* поэта тимуридской эпохи Амир Шахи Сабзавари (по другим сведениям — на *диван* Баба Фигани). Умер после 1002/1593–94 г. (см.: Гюльчин Маани. Мактаб-и вуку’ дар ши’р-и фарси. Тихран, 1348. С. 476–479).

²³ Музакир-и ахбаб. С. 8.

²⁴ Там же. С. 9–10.

ниях об уважаемых и очень известных людях стиль его становится возвышенным (эта особенность отмечается и в сочинениях Мутриби Самарканди, ученика Нисари). Из вышеприведенного отрывка следует, что автор придавал большое значение своему труду: его цель — продолжить труд Нава'и, восполнив пробелы последнего, и показать непрерывность литературной традиции, сделать зарисовку литературной жизни первой половины XVI в. При этом Нисари совсем не вспоминает о переводах «Маджалис ан-нафа'ис»²⁵ и антологии «Тухфа-йи Сами» (закончена в 968/1560 г.) Сам-мирзы — сочинениях, имеющих важное значение для изучения данного периода. С трудом верится в то, что в эпоху составления нашего *тазкира* эти труды не были известны, тем более такому осведомленному автору, как Нисари.

Что касается даты составления антологии, то Нисари пишет о ней в главе под заголовком «Название и дата составления книги», которую он открывает следующим двухбейтовым *кит'а*, представляющим собой хронограмму:

چون در این تذکره زبان قلم نکر احباب کرد از هر باب
نام و تاریخ سال اتمامش گشت از آن رو مژگر احباب²⁶

Поскольку в этом *тазкира* язык калама
Всесторонне упомянул о друзьях,
Названием и датой его окончания
Стало посему [выражение]: «Воспоминание о друзьях».

Таким образом, в названии *тазкира* — «Музаккир-и ахбаб» — зашифрована и дата его завершения (مژگر احباب = 974/1566-67 г.). Кроме того, наш автор пишет, что, закончив свой труд, он показал его известному ученому, поэту и стилисту Амир Мухаммаду Бади' ал-Хусайни²⁷, который, одоблив и похвалив сочинение, отредактировал его. Тот же ал-Хусайни сочинил *руба'и*, заключающее в себе дату завершения книги:

²⁵ Первый по времени перевод сочинения Нава'и был осуществлен Султан-Мухаммадом Фахри б. Амири Харави в 928/1521-22 г. в Герате, озаглавлен «Лата'иф-нама» и посвящен Сам-мирзе. Переводчик заменил оригинальное предисловие Нава'и своим собственным, а также добавил девятый *маджлис*, включив в него биографии 189 поэтов, отсутствующие в *тазкира* Нава'и. В том же, девятом *маджлисе* Фахри поместил биографию самого Нава'и. Второй перевод был выполнен Хаким Шахом Мухаммадом б. Мубарак ал-Казвини. Труд был начат в Стамбуле в 927/1521 г. и закончен в 929/1522-23 г. с посвящением султану Селиму I. Некоторые части антологии Нава'и переводчик опустил, а восьмой *маджлис* он разделил на два раздела: 1) древние и современные поэты; 2) Селим I и поэты его двора. Оба эти труда представляют собой творческую переработку, причем, на наш взгляд, удачную, поскольку «переводы» получили самостоятельное хождение как сочинения своих авторов, оставаясь в то же время произведением самого Нава'и. Оба эти «перевода» были изданы в одном томе в Тегеране 'Али-Асгар Хикматом в 1323/1945 г.

²⁶ Музаккир-и ахбаб. С. 11.

²⁷ Амир Мухаммад Бади' ал-Хусайни был сыном известного деятеля тимуридской эпохи Кази Ихтияра, долгое время бывшего *кази* города Герата (это был очень образованный человек — ученый, поэт, написавший сочинения по многим отраслям науки). Его сын, Бади' ал-Хусайни, унаследовал способности и дарования отца. Преподával в Дилькеше. Пользовался уважением сильных мира сего и занимал достойные должности. Особенно силен был в поэзии и стилистике. Нисари приводит его *та'рих* на смерть Кул-Мухаммад-мирзы и дает ему высокую оценку:

آن عمده اهل جود و ارباب وفا دردا که جوان رفت بمسی از دنیا
گفتند چه واقع است و تاریخ چه شد گفتیم که فوت قل محمد میرزا [966]=

Как жаль, что этот глава мужей щедрости и господ верности
Так рано ушел из этого мира.
Спросили: «Что случилось и когда?»
Мы ответили: «Смерть Кул-Мухаммад-мирзы».

К моменту завершения *тазкира* Амир Мухаммад, достигший преклонных лет, служил *казием* в Шахрисабзе (Музаккир-и ахбаб. С. 407–408).

این نسخه که جامع بسی از شعر است مقصود از آن ذکر شریف صلحاء است
 گردیده بیان فضلا تاریخش زان رو که در آن همه بیان فضلا است²⁸

Вот рукопись — собрание множества стихов,
 [И] цель ее — упоминание благородное достойных мастеров.
 И датой окончания [фраза] стала: «Рассказ об образованных мужах»,
 Ведь вся она пронизана упоминанием мудрецов.

Сумма числовых значений букв выражения *بیان فضلا* также равна 974. Таким образом, датой завершения книги является 974/1566-67 год по Р.Х.²⁹

Труд разделен на *макала*, четыре *баба* и *хатима*. *Макала* повествует о правителях, имевших склонность к поэзии, и разделяется на два *баба*: первый — о султанах Чингизидах (включая в себя два *фасла* — умершие и здравствующие), второй — о султанах Чагатаидах (также два *фасла*). Четыре *баба* основной части построены по принципу: «видел — не видел, встречал — не встречал, жив—умер, в Бухаре — не в Бухаре». Так, первый *баб* включает в себя рассказ о тех, кого автор лично не встречал и кто к моменту написания *тазкира* уже умер. Второй *баб* посвящен тем, кого автор видел, встречал, но кто также уже скончался. Третий *баб* — о тех, кто еще жив и кого наш автор имел честь встречать. Четвертый *баб* — о тех, кого Нисари лично не встречал и кто на момент составления *тазкира* был еще жив. Каждый *баб*, в свою очередь, разделен на четыре *фасла*, построенных по принципу: «старый—молодой» и «в Бухаре — не в Бухаре». Таким образом, первые *фасли бабов* I и II содержат сведения о поэтах, достигших преклонных лет и похороненных в Бухаре, а первые *фасли бабов* III и IV — о пожилых *адибах*, живущих в Бухаре. Вторые *фасли бабов* I и II говорят о поэтах, доживших до старости и похороненных за пределами Бухары, вторые же *фасли бабов* III и IV — о стариках, живущих не в Бухаре. Третьи *фасли* каждого *баба* повествуют о молодых поэтах, связанных с Бухарой (для *бабов* I и II — это похороненные в Бухаре, а для *бабов* III и IV — в ней живущие), в то время как четвертые *фасли* рассказывают о молодых поэтах, с Бухарой не связанных (для *бабов* I и II — похороненные за пределами Бухары, а для *бабов* III и IV — живущие не в Бухаре)³⁰.

В общем и целом, в схеме построения *тазкира* наш автор следует методу Нава'и, хотя в какой-то степени усложняет, развивает его, поставив в центре всего повествования «стольный град» Бухару.

Нет единого мнения по поводу того, кому посвящено *тазкира*. Принято считать, что — Абу-л-Гази Искандар Бахадур-хану³¹. В тексте имя лица, которому посвящено сочинение, приводится следующим образом: «*ابو الغازی عبد الله بهادر خان*»³², т.е. «Абу-л-Гази 'Абдаллах Бахадур-хан». Это дало основание некоторым исследователям полагать, что труд посвящен 'Абдаллах-хану II (991–1006/1583–1598)³³. Однако, по мнению Хофмана, эта версия не выдерживает никакой критики, исходя из даты составления книги (974/1566-67) и правления 'Абдаллаха II³⁴. Издатель текста «Музакир-и ахбаб» С.М. Фазлаллах высказывает точку зрения, которая кажется нам на данный момент наиболее приемлемой. По его мнению, *тазкира* посвящено одновременно двум правителям — Абу-л-Гази Искандар Бахадур-хану и 'Абдаллах-хану II. Объяс-

²⁸ Музакир-и ахбаб. С. 11.

²⁹ Storey. P. 802; Hofman H.F. Turkish Literature. Utrecht, 1969. Section III. Pt I. Vol. 4. P. 274 (далее — Hofman).

³⁰ Музакир-и ахбаб. С. 13–14; Fazlullah. P. 49–50.

³¹ Storey. P. 802.

³² Музакир-и ахбаб. С. 10.

³³ Storey. P. 802.

³⁴ Hofman. P. 274.

нение возможности двойного посвящения Фазлаллах видит в системе престолонаследия Шибанидов, основанной на законах Чингиз-хана, согласно которым наряду с верховным *хаканом* назначался наследник, будущий *хакан* — *калга*³⁵. Получалось, что в государстве два «первых человека», которых желательно было бы отметить: *хакана* — обязательно, в первую очередь и особенно пышно; *калгу* — вторым и менее пышно. Именно так и поступает наш автор: отметив сначала Искандара, он ограничивается лишь перечислением почетных титулов 'Абдаллаха и выражает надежду на то, что его труд будет принят на *маджлисе* сего царственного мужа³⁶.

Кроме того, есть мнение, что труд посвящен Амиру Мухаммаду Бади' ал-Хусайни³⁷, о котором говорилось выше, а также джуйбарскому *шайху* Хвадже Мухаммаду Исламу (898–971/1493–1563)³⁸.

До настоящего времени сохранилось 12 рукописей «Музакир-и ахбаб»: пять — в Институте востоковедения Узбекистана (№ 56, 4338, 7760, 4374 и 4282), одна (в двух тетрадах) — в СПбФ ИВ РАН (№ В2493 и В4020), две — в Институте востоковедения Республики Таджикистан (№ 3223 и 3395), одна — в Берлине, две — в Британском музее, одна — в Калькутте³⁹. Всего в *тазкира* упоминается 275 поэтов.

Тазкира «Музакир-и ахбаб» имеет большое значение не только для изучения литературной жизни Мавераннахра первой половины XVI в., но также и для изучения всей культурной жизни и истории данного региона, истории литературных связей Мавераннахра с Индией. Целый ряд деталей содержится только у Нисари. Кроме того, некоторые хронограммы представляют историческую ценность. Помимо всего прочего *тазкира* Хасана Нисари — это довольно интересное чтение. Так, когда Нисари представил свое сочинение на суд Кази Мира, потомственного ташкентского *кази*, принадлежавшего к братству *Кубравийи*, тот написал *руба'и*-молитву и отослал нашему автору:

این نسخه دلگشا که آمد به نظر کرد از دل من محنت ایام بدر
داریم طمع آن که بروز محشر یابد نظر قبول از خیر بشر⁴⁰

Эта занимательная рукопись, что сейчас лежит предо мной,
Унесла бремя повседневных забот из моего сердца.
Надеемся, что в день Страшного Суда
Получит она одобрение у Мухаммада.

И все же, говоря о значении *тазкира* «Музакир-и ахбаб», закончить хочется словами А.Н. Болдырева: «Значение тезкире Нисори заключается в том, что оно является, насколько мне известно, единственным образцом антологической литературы, написанным в Средней Азии в XVI в. с целью охватить всех современных написанию деятелей среднеазиатского литературного круга. Как известно, именно этот период

³⁵ *Fazlullah*. P. 36–38.

³⁶ Музакир-и ахбаб. С. 10. Это посвящение отражает реальную политическую ситуацию: 'Абдаллах II de facto был правителем Мавераннахра с 968/1560 г. (когда он стал официальным соправителем своего отца) и de jure — с 991/1583 г. (после смерти отца). Кроме того, в год составления антологии уделом 'Абдаллаха была Бухара.

³⁷ *Storey*. P. 802.

³⁸ *Ахмедов Б.А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 160. Получается, что сочинение посвящено человеку, умершему за три года до его окончания. О Хвадже Исламе см.: *Вяткин В.Л.* Шейхи Джуйбары. I. Ходжа Ислам // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 3–19; *Иванов П.П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVII вв. М.–Л., 1954. С. 3–55 (далее — *Иванов*).

³⁹ *Каримов*. С. 207.

⁴⁰ Музакир-и ахбаб. С. 466–468.

в истории культурной жизни Средней Азии является наименее изученным, даже еще в части выявления и описания источников. Несмотря на то что тезкире Нисори в сильной степени страдает обычным для этого рода произведений недостатком — обилием пустой риторики в ущерб фактам, оно содержит значительное количество ценных фактических сведений... Кроме того, сам факт составления во второй половине XVI в. в Бухаре обширной антологии современных ей литературных деятелей хорошо показывает высокое состояние культурной жизни этого периода. Показательно также и то, что в эту антологию представилось возможным включить более 250 заслуживающих внимания авторов...»⁴¹.

II

Обратимся теперь к жизни и трудам Мутриби Самарканди. Дата рождения поэта вычисляется на основании сообщения автора в ТД. Мутриби пишет, что труд его начат в *раджабе* 1034/апреле–мае 1625 г., когда ему было 68 лет (ТД, л. 1а, 2б). Таким образом, наш автор родился в 966/1558–59 г. В предисловии автор называет себя «*مطربى الاصم*», и это дает основания предполагать, что к концу жизни Мутриби очень плохо слышал. Родился Мутриби в Самарканде и большую часть жизни провел в этом городе. В своих сочинениях наш автор не сообщает никаких существенных сведений о своих родителях (он лишь отмечает, что среди его предков были известные поэты Малик Аргун — по отцу и Басири — по матери). Так, Мутриби пишет, что его отец некоторое время общался с *маулана* Фигари⁴². Иногда Фигари заходил и к Мутриби, который в ту пору учился в начальной школе (туда он ходил вместе с Бахадур-султаном б. Са'ид-ханом — ТД, л. 64аб). Всякий раз, когда Фигари видел Мутриби, он читал *Фатиху* и молитву о ниспослании добра (ТШ, л. 180б). Гариби Харави (*غریبی هروی*)⁴³, очень образованный человек, хорошо знающий *сиййак*⁴⁴, общался с отцом Мутриби и заходил к ним, когда бывал в Самарканде. Несколькими днями он учил Мутриби *сиййаку*. Последний пишет, что, поскольку в те времена он учился по принуждению, то искусства этого так и не освоил (ТШ, л. 234б). Иногда отец водил Мутриби в школу (тогда наш автор изучал сочинение «Шарх-и шамсийа») Са'д

⁴¹ Болдырев А.Н. Тезкире Хасана Нисори как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI в. // ТОВГЭ. Т. III. С. 296–297.

⁴² Фигари Самарканди (*فکاري سمرقندی*) был образованным человеком, совершенным в стихах: «Прекрасные стихи его, подобно живой воде, чисты и гладки...». В *мадраса* Сарай Мулк-ханум у него была *худжра*, где он и жил. Обладал хорошим вкусом. Составил *диван*. Является автором ряда научных трактатов. Говорят, что однажды 'Абдаллах II в присутствии Мушфики прочел около десяти *газелей* из *дивана* Фигари и спросил: «Ну, каковы стихи Фигари?» Мушфики поклялся, что в настоящий момент никто так чисто не сочиняет стихи, как Фигари. Фигари записал *газаль* и *матла'* и вручил их Мутриби на память. Эти стихи наш автор и приводит на страницах своего сочинения (ТШ, Мутриби, л. 180б–181а).

⁴³ В поэзии Гариби считал себя учеником Хилали. Был очень скромным и смиренным человеком. В Самарканде к нему относились с подозрением и обвиняли его в шиизме — ведь он был из Герата. О нем рассказывали различные истории. Говорили, что во времена Джаванмард 'Али-хана в Самарканде появилась банда разбойников, убивавшая людей. Однажды Гариби поздно вечером возвращался из лавки мяnelly. Ему встретился бандит, пригрозил ножом и сказал: «Стой, суннит!» Тогда Гариби направил на бандита свой посох и сказал: «Сам ты суннит». Но на эти истории Гариби, будучи порядочным человеком, никак не отвечал. Мутриби приводит *газаль* поэта (5 *бейтов*) (ТШ, л. 234б–235б). Что же касается религиозной принадлежности самого Мутриби, то не исключено, что наш автор был шиитом, так как он нередко приводит изречения и стихи 'Али (см., например: ТШ, л. 32б).

⁴⁴ *Сиййак* — искусство ведения учетных книг, бухгалтерский учет. Вместе с этим в финансовом ведомстве была выработана своя особая форма письма наподобие шифра, обозначаемая тем же словом (см.: Fekete L. Die Siyaqat-Schrift in der türkischen Finanzverwaltung. Beitrag zur türkischen Paläographie mit 104 Tafeln. Erster Band. Einleitung, Textproben. Budapest, 1955. S. 23–28; см. также: Мирза Бади'-Диван. Маджма' ал-аркам («Предписания фиска») (Приемы документации в Бухаре XVIII в.). Факсимиле рукописи, введ., пер., примеч. и прил. А.Б. Вильдановой. М., 1981 (ППВ, LIV). С. 27 и далее.

ад-Дин Мас'уда Тафтазани⁴⁵ — см.: ТД, л. 736–74а). В ТШ (л. 124а) упоминается дядя Мутриби по отцу. Однако ни его имя, ни род занятий не сообщаются.

Мутриби получил весьма добротное образование. Так, он долгое время посещал уроки *маулана* 'Исматаллаха⁴⁶ по религиозным наукам вместе с его сыном Кази Мухаммад Амином (ТД, л. 64б). В детстве Мутриби изучал сочинение «Фава'ид аз-зийа'ийа» (فوائد الضيائية)⁴⁷ под руководством Хваджи Хашима⁴⁸, и именно в этот период он нередко заходил к Хвадже Калану⁴⁹. Однажды Мутриби был у Хваджи. Речь зашла о *бейте*, приписываемом Фатиме, в котором она оплакивает Пророка. Хваджа Калан спросил, каким размером написан *бейт*. Мутриби ответил, что размером *рад-жаз-и мусаддас-и салим*. Хваджа попросил привести пример этого размера на персидском языке. Мутриби прочел *бейт*:

ساقی بعشرت کوش در دوران گل مگذار از کف جام تا پایان گل

Виночерпий, предайся удовольствиям в период [цветения] розы,
До конца этого времени не выпускай из рук чашу [с вином].

Маулана Салих Гидждувани, ученый, большой знаток 'аруза, учитель Амира Хваджи Аталык Дурмана, сказал: «Этот ваш *бейт* неритмичен. Поскольку у знатоков

⁴⁵ Са'д ад-Дин Тафтазани был уроженцем Тафтазана (Хорасан), работал в Герате, Гидждуване, Ширазе, Самарканде (при дворе Тимура). Известный богослов, автор ряда сочинений по логике, грамматике и математике. Его труд «Шарх рисала аш-Шамсийа» («Комментарий к „Солнечному трактату“») представляет собой толкование сочинения Низам ад-Дина ан-Найсабури «Ар-Рисала аш-шамсийа фи-л-хисаб» («Солнечный трактат по арифметике») (см.: Матвиевская, Розенфельд. С. 437, 467–468).

⁴⁶ *Маулана* 'Исматаллах, *тахаллус* «Шакири» (شاکری). В соответствии с изречением Корана «... и благодарите Аллаха, если вы ему поклоняетесь» (2:172) он избрал благодарение Всевышнего (شکر) своим девизом и этим *тахаллусом* выделялся из числа других поэтов. В детстве он учился у своего отца, Маулана Махмуда б. Ни'маталлаха Наджжара (مولانا محمود ابن نعمت الله نجار), а после смерти последнего общался с учеными и в кратчайшие сроки изучил *фикх*. Долгое время преподавал религиозные науки в Самарканде. Вел уроки хорошо и понятно. Большинство *мавали* Мавераннахра — его ученики. Он является автором ряда компилятивных и оригинальных сочинений, к числу которых относится весьма похвальное и полезное, по мнению Мутриби, «Хашийа» (حاشیه) на сочинение Джами «Фава'ид аз-зийа'ийа» (فوائد ضيائية), «Ниджат ал-кари» (نجاة القاری), «Каламийа» (کلامیه), «Раснийа» (راسیه), «Хуснийа» (حسینیه), «Закутийа» (زکوتیه) и ряд других. Некоторые из этих сочинений Мутриби видел. Иногда писал стихи, количество которых почти достигло размеров *дивана*. Ему было за девяносто, когда он скончался и был похоронен рядом с мазаром Хваджи Ахрара (ТШ, л. 206а–209а; ТД, л. 64б–66б).

⁴⁷ «Фава'ид аз-зийа'ийа» является сочинением 'Абд ар-Рахмана Джами (817–898/1414–1492), представляющим собой арабский комментарий на грамматику «Ал-Кафийа» Ибн ал-Хаджиба. Произведение было чрезвычайно популярно в Средней Азии и было также известно под названием «Шарх-и Мулла». В 1818 г. было издано в Калькутте 'Абд ар-Рахимом б. 'Абд ал-Карим Сафипуром (см.: *Стори Ч.А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. Ч. I–II. М., 1972. Т. II. С. 561, 595. Далее — *Стори*).

⁴⁸ Хваджи Хашими Мазари Ахрари (*тахаллус* «Хашим»), потомок Хваджи Ахрара. Видимо, был сыном Хваджи Калана. Был сведущ во всех науках. К нему обращались даже очень знающие люди. Написал трактат о сочинении Фаттахы Нишапури «Шабистан-и хаййал» («Келья мыслей») под названием «Шам'-и шабистан» («Келейная свеча»). Мутриби пишет, что сочинил в честь Хашима «искусственную» *касиду*, в каждом *бейте* которой была использована та или иная фигура, название которой автор записал красными чернилами в начале каждого *бейта*. Здесь же были записаны *айаты*, *хадисы* и арабские выражения, иллюстрирующие данную фигуру (ТШ, л. 85б–86б).

⁴⁹ Абу Мухаммад, известный как Хваджа Калан Хваджа Дахбиди, пользовавшийся *тахаллусом* «Амини», был сыном Маулана Хваджаги Касани (869–949/1464–1542, известен как «Махдум-и а'зам»). Покинув своего отца, Хваджа Калан приобрел покровительство Хваджи Джуйбери Бухари, возводящего свою духовную генеалогию к Махдум-и А'заму ('Абд ал-Халик Гидждувани, ум. 576/1180 или 617/1220) и *ситсилат аз-захаб* братства Хваджаган. *Маулана* Мухаммад Са'ид Худжрадар написал книгу, посвященную Хвадже Калану, и назвал ее «Джамарат» (جمرات — «Раскаленные угольки»). В этой книге собраны и стихотворные сочинения Хваджи Калана. Мутриби пишет, что к Хвадже Калану часто приходили за советом и консультацией. Сам Мутриби в детстве частенько наведывался к нему в дом, располагавшийся на берегу *хауза* Булбулак, для того чтобы проверить свои знания (ТШ, л. 33а–б).

'аруза принято, что всякий раз, когда после долгого гласного следует *нун*, то при скандировании он опускается. Так, в этом *бейте* в словах „*дауран*“ и „*пайан*“ после *алифа* следует *нун*. Поскольку при скандировании *нун* опускается, *бейт* становится неритмичным». Мутриби возразил: «У знатоков 'аруза принято, что всякий раз, когда после долгого гласного следует *нун* с *сукуном*, то при скандировке он опускается. Здесь же *нун* огласован. Поэтому он не опускается, а *бейт* не становится неритмичным». Услышав такой ответ, Хваджа Калан, обращаясь к присутствующим, сказал, что Мутриби весьма искушен в 'арузе и хорошо слагает стихи. Хваджа Калан попросил Мутриби сочинить для него стихотворение. Последний сочинил *татаббу*' на *газаль* Джамии со следующим *матла*':

یا من بدا جمالك فی کل ما بدا بادا هزار جان مقدس ترا فدا
О ты, начало красоты которого во всем, что имеет начало,
Да будет тысяча святых душ твоей жертвой!

Газаль Мутриби:

پیدا کرده طفل له لیس والد خورشید لمعه ایست در این طاق پر صدا محتاج لطف تست اگر شاه اگر گدا لیس له سوالک مقصود و مقصدا رهن شرابخانه کند خرقة و ردا یا من بدا جمالك فی کل ما بدا بادا هزار جان مقدس ترا فدا	یا من من الصفاتک الله واحدا از پرتو جمال تو ای حی لم یزل آثار صنع تست اگر فوق اگر فرود هر کس بمقصدی و خوش آن را که همچو من صوفی اگر ز جام تو یکجرعه چشید بنمای روی خویش که دردم ز حد گنشت بهر فدای تو چه بود جان مطربی
---	--

О ты, что из качеств твоих лишь Аллах один
Явил дитя, у которого нет отца!
От сиянья твоей красоты, о вечноживущий,
Солнце — лишь луч в этом куполе звонком.
Плоды творенья твоего — как наверху, так и внизу,
Нуждаются в твоей милости что шах, что нищий.
Всякий стремится к цели, и счастлив тот, кто, как я,
Не спрашивает тебя, кто и где эта цель.
Если суфий сделает хоть один глоток из твоей чаши,
В залог за кабак отдаст он *хирка* и *рида*.
Покажи свой лик, ибо боль моя перешла все границы,
О ты, начало красоты которого во всём, что имеет начало!
Разве душа Мутриби для тебя — это жертва?
Да будет тысяча святых душ твоей жертвой!

Ишан одобрил стихи Мутриби и сказал: «У поэтов есть обычай вначале раздавать „поэтическую“ халву. Если принесешь „поэтической“ халвы, станешь сочинять стихи лучше прежнего». Мутриби ответил: «Если я из ваших рук вкушу халвы поэзии, то буду сочинять стихи еще лучше того». Хваджа Калан, улыбнувшись, сказал: «За такое твое красноречие я должен принести тебе халвы поэзии». Он встал и отправился в кладовую. Вернувшись, он положил в карман Мутриби завернутую в бумагу халву. Присутствовавшие при этом удивились, откуда взялась эта халва, поскольку они ни на минуту не оставляли *ишана* одного. Это событие было охарактеризовано как чудо (ТШ, л. 30а–31б). Описанный эпизод, видимо, имел место после того, как он некоторое время обучался у Нисари, поскольку до этого наш *мутриб* не знал теории поэзии. Он пишет, что всеми своими знаниями в области поэзии обязан Хасану Нисари (ТШ, л. 152а). Так, он изучал сочинение «Фунун-и тарик-и масну» («*فنون طریق مصنوع*») под руководством Нисари. А к изучению 'аруза и рифмы нашего автора подвиг

вака 'анавис 'Абдаллаха, поэт Мукуми. Мутриби рассказывает, как однажды он встретился с Мукуми на пути в Бухару. Тот попросил нашего автора прочесть *газаль*. Мутриби прочел. Мукуми поинтересовался, каким размером была написана *газаль*. Но поскольку на тот момент Мутриби об 'арузе ничего не читал, то ответить не смог. Мукуми рассказал ему о пользе изучения 'аруза и рифмы. Когда Мутриби пришел в Бухару, то он долгое время изучал поэтические трактаты под руководством Нисари и таким образом «выбрался из водоворота невежества». Вместе с Мутриби у Нисари учился и Хваджа 'Абд ал-Карим («Нида'и») ⁵⁰. Кроме того, они вместе посещали некоторые лекции Мирзы Джана, известного как Мулла-йи Нав (ملا نو) ⁵¹ (ТД, л. 27а). Можно сказать, что до смерти Нисари вся жизнь Мутриби вращалась вокруг его учителя. Мутриби приезжал из Самарканда и подолгу жил в Бухаре, общаясь со своим главным учителем, имя которого он чаще других упоминает на страницах своих сочинений (особенно ТШ). Когда Мутриби учился 'арузу у Нисари, к нему частенько заходил Ауджи (в будущем — *надим маджлиса* Вали-Мухаммад-хана в Балхе) и приносил свои стихи. Кроме того, наш автор шесть (по ТД — два) месяцев жил в Бухаре недалеко от квартала Чах-занджир (چاه زنجير) на крыше дома муллы Пейрави ⁵² и изучал книгу «Сийар ан-наби» (سير النبي) (ТШ, л. 596; ТД, л. 1106–111а). Несколько дней наш автор учился ремеслу *музаххиба* у Муллы Рустам Наккаша, писавшего стихи с *тахаллусом* «Рустам» (رستم). Он отмечает, что Рустам учил нена-

⁵⁰ Нида'и (ندایی), по имени Хваджа 'Абд ал-Карим, был сыном Кази Махмуда 'Азизана б. Кази Ихтийяра (قاضی اختیار). Родился и учился в Бухаре. Авторитетный ученый и поэт. При 'Абдаллахе занимал высокие должности. После смерти 'Абдаллаха Баки Мухаммад-хан конфисковал имущество его отца, и они впали в нужду. Будучи последователем *маулана* Пайанда Ахсикати (پاینده اخسیکتی), Нида'и ушел к нему в *ханака* и избрал путь подвижничества. Получил *хирка*. После смерти наставника совершил *хаджж* и отправился в Индию. Говорят, что, когда Нида'и прибыл ко двору Акбара, он сочинил *руба'и* и послал его правителю. Тому *руба'и* настолько понравилось, что он высочайше повелел набить рот означенного ученого золотом. Вот это *руба'и*:

دریا بکهر فلک باختر نازد فردوس بملسبیل و کوثر نازد
عاشق بکرشماهی دلیر نازد کونین بذات شاه اکبر نازد

Море жемчужиной закатного неба гордится,
Рай *Сальсабилем* и *Коусаром* гордится.
Влюбленный кокетливым взглядом красавицы гордится,
Все сущее (два этих мира) сущностью шаха Акбара гордится.

Мутриби говорит, что этой чести удостаивались немногие, и напоследок отмечает, что, хотя в третьем *мисра'* этого *руба'и* закрался изъян в рифме *ита-йи джали*, в целом стихотворение удалось. По слухам, к 1013/1604-05 г. Нида'и скончался (ТШ, л. 1616–163а; ТД, л. 266–276).

⁵¹ Мир Джан (میر جان), известный как Мулла-йи Нав (ملا نو), в 989/1581 г. приехал из Шираза в Бухару и занялся преподавательской деятельностью. Все относились к нему с уважением. Но он был очень заносчив и мало общался с людьми. Мутриби пишет, что «в конце концов такое поведение не принесло ему пользы, и по молитве его святости *шайха* Халилаллаха он ушел из этого мира». Дело было так. Когда мулла приехал из Шираза, Халилаллах, надеясь на свой преклонный возраст, ждал, что тот сам к нему придет. Но Мир Нав не появлялся. Тогда *шайх* вместе со своими последователями сам пришел к нему. Тот даже его не встретил. *Шайх* вошел в дом, но разговор не клеился. *Шайх*, раздосадованный, вышел и пошел к себе в *ханака*. В это время у Мир Джана начался жар. Он понял, что это связано с *шайхам*, и побежал к нему. Но *шайх* сказал: «Коль стрела молитвы вылетела из лука, назад с неба она не вернется». Через мгновение Мулла-йи Нав умер. Его омыли и похоронили в *мазаре* Хваджи Турк Дженди (خواجه ترک جندي) (ТД, л. 966–976). Мулла-йи Нав является автором произведений: «Шарх Хикма ал-'айн» («Комментарии к „Мудрости источника“») — комментарий на сочинение Наджм ад-Дин 'Али ибн 'Умар ал-Катиби ал-Казвини (ум. 1277) «Хикма ал-'айн» («Философия источника») — и «Унмузадж ал-фунун» («Образец наук») (*Матвиевская, Розенфельд*. Кн. II. С. 409–410, 563).

⁵² Мулла Пейрави (پیروی) был из старых бухарских поэтов. Суфий, подвижник. Написал ответ на поэмы Низами и Джами. Он является автором трактатов по многим отраслям науки. *Диван* его равнялся 20 тысячам *бейтов*. Умер в возрасте 100 лет и похоронен в Бухаре рядом с могилой Баха ад-Дина Накшбанда (ТШ, л. 596–606; ТД, л. 1106–115а).

вязчиво (ТШ, л. 204а). Мутриби несколько дней совершенствовался в музыкальном ремесле под руководством Йумли Мийанкали⁵³: он изучал лады *'ирак-и шах* и *сигах* (это лады, которым Йумли отдавал предпочтение), а также *Куллийят* Каукаби (ТШ, л. 123б; ТД, л. 126б). Камал ад-Дин Хафиз 'Абд ар-Рахим Музаххиб Бухари был учителем Мутриби в игре на *нае* и *кануне* (ТД, л. 32а). Несколько дней наш автор брал уроки у Назари⁵⁴ по некоторым из религиозно-философских наук (*علوم حقیقه و آلیه*) (ТШ, л. 163б). На занятия по изучению книги «Хидайа»⁵⁵ (*هدایه*) Мутриби ходил вместе с Лазими Киши (*لازمی کیشی*), по имени Султан-Кули (*سلطان قلی*), а также с Хваджой Абу Хашимом (ТШ, л. 238б; ТД, л. 154а).

В своих трудах Мутриби рассказывает и о собственной преподавательской деятельности. Так, Мутриби был в хороших отношениях с Курайши (Хваджа Дуст Назар), который под руководством нашего автора изучил трактат об *'арузе* и рифме (ТШ, л. 201б). Мутриби учил каллиграфии Сабити Мийанкали и Зихни Самарканди (ТШ, л. 218а, 227а). Хазани Шахрисабзи (*خزانی شهرسبزی*) был другом Мутриби, считавшим последнему своим учителем в искусстве поэзии. Он всегда старался развеять и никогда не делал ничего, что вызывало бы скуку. Вначале он пользовался псевдонимом «Хараби» (*خرایی*). Так, всякий раз, когда он приходил к Мутриби, чтобы отредактировать свои стихи, и тот спрашивал: «Кто там?», поэт отвечал: «Это разруха (*خرایی*) пришла в твой дом». Мутриби все это не нравилось, и он посоветовал ему заменить псевдоним на *таджнис* «Хазани». Тот согласился. Несмотря на это, люди продолжали называть его «Хараби». Наконец, поэты решили, что всякий, кто назовет его прежним *тахаллусом*, должен уплатить два динара штрафа. Так «Хараби» стал «Хазани» (ТШ, л. 224а–б).

Фарши Самарканди (*فرشی سمرقندی*), по имени Хабибаллах (*حبيب الله*), был одним из лучших друзей Мутриби. Они дружили с давних пор, никогда не забывая друг о друге. Фарши считал Мутриби своим учителем в *масну'* (ТШ, л. 182а–б). Кроме того, можно считать Фарши одним из информаторов, помогавшим Мутриби в составлении его сочинения. Так, однажды Фарши прислал Мутриби из йаркендского *вилаята* письмо, в котором сообщал, что поэт Халиси 'Ираки (*خالسی عراقی*), по имени Хан-Али, прибыл из Ирака в Кабул с дипломатической миссией. Автор письма встречался с ним (далее несколько слов не поместились на полях, потому можно разобрать «Йаркенд амад»), видимо, когда тот приезжал в Йаркенд. Фарши пишет, что Хан-Али — авторитетный и красноречивый поэт Ирака, пользующийся известностью (ТШ, л. 226б, на полях). Следует отметить, что сведения о некоторых поэтах Мутриби уточнял во время своей остановки в Балхе (по пути в Индию). В этом ему помогал Йа'куб-хваджа (ТД, л. 29а–б).

⁵³ Йумли Мийанкали (*یوملی میانکالی*), известный как Мулла Баба (*ملا بابا*), учился в Самарканде. Занимался каллиграфией у Мир Мухаммада Гурмири (*میر محمد گورمیری*). Сочинял хорошие *му'амма* (логогрифы) и *та'рихи* (хронограммы). Иногда для увеселения сочинял мелодии. Неподражаемо играл на *нае*. Со времен Султан-Хусайна до 'Абдаллаха не было столь искусного музыканта, как он. Играл на всех инструментах, обладал прекрасным голосом. Мутриби отмечает, что, несмотря на почтенный возраст, Йумли не утратил хорошего вкуса (ТШ, л. 123а–124а; ТД, л. 126б–127а).

⁵⁴ Назари (*نذری*) — *маулана* Назари Бадахши избрал свое имя псевдонимом для своих стихов. Родился в Бадахшане, учился в Мавераннахре. Хорошо писал различными почерками, особенно *насх-и та'ликом*. Владел искусством изготовления колчанов. У него была *худжера* в *мадраса* Абу Са'ид-хана, в которой он и жил, занимаясь преподавательской деятельностью. Если кто-то приходил к нему в плохом настроении, то после часа общения с ним приходил в доброе расположение духа. Принципиально не женился. Назари скончался в своей *худжере*. Могила его находится по соседству с могилой шахзаде Кусамы б. ал-'Аббаса (*قثم بن العباس*) (ТШ, л. 163а–166б).

⁵⁵ «Хидайа» представляет собой комментарий Бурхан ад-Дина Маргинани (ум. 593/1197) на собственное компилятивное сочинение по мусульманскому праву «Китаб бидайат ал-мубтади» (*Heffening W. Al-Marghinani // Encyclopaedia of Islam / CD-ROM Edition, 1.0. Leiden, 1999*).

Наш автор много путешествовал по городам Средней Азии. Он встречался с разными поэтами и учеными. Многие из них были друзьями Мутриби. Так, Мутриби был в *вилайте* Кеш и там виделся с Мирзой Мухаммад-диваном, писавшим стихи с *тахаллусом* «Сиййаки». Сиййаки служил Исфандийар-султану. После того как последний стал правителем Андижанского *вилаята*, Сиййаки был назначен главой финансового ведомства этой области (ТШ, л. 172а). Фазили, служивший в финансовом ведомстве Хаджжи Мирзы Дурмана, по-братски относился к Мутриби и показывал ему все свои стихи (ТШ, л. 183б). Поэт и *китабдар* Пир-Мухаммад-султана, Назими, относился к Мутриби с любовью и иногда заходил к нему домой. Однажды Назими собственноручно написал *газаль* и вручил ее Мутриби. Наш автор встречался с Назими в его родном городе Кермине по пути в Индию в 1035/1625–26 г. Назими, которого Вали-Мухаммад-хан ослепил за его близость к Пир-Мухаммад-хану, жил тихо и уединенно (ТШ, л. 167а; ТД, л. 43а–б). Среди покровителей Мутриби был Садики Ахунд. О нем наш автор не переставал возносить благодарственные молитвы. Мутриби сочинил *та'рих* на его смерть (ТШ, л. 190б; ТД, л. 37а). Наш автор поддерживал братские отношения с Сабури Самарканди, которого он называл «الفصح الشعرا» («красноречивейший из поэтов»). Мутриби учил Сабури сочинять «искусственные» стихи. Он даже приводит *газаль* поэта в 10 *бейтов*, что большая редкость для его *тазкира*, поскольку для подавляющего большинства *газелей* цитируется пять *бейтов* (ТШ, л. 191а–192б). Мутриби был очень дружен с поэтом 'Аджзи (*عجزي*). Он пишет, что, приезжая в Самарканд, большую часть времени проводит вместе с ним. 'Аджзи уехал в Индию, служил Джахангиру. Жилось ему хорошо и радостно. Из Лахора он прислал Мутриби письмо с просьбой отправить что-нибудь из своих стихов. Мутриби послал *газаль* (ТД, л. 31аб). Наш автор был дружен с *маулана* Мухаммад-Садиком, известным как Суфи Балту (*صوفى بالتو*). Это — известный оратор, сведущий в большинстве наук, особенно в *сиййаке* (об этом он написал *рисала*). Был искусен в поэзии. Пользовался псевдонимом «Садики» (*صادقى*). Составил *тазкира* «Рийаз аш-шу'ара» (*رياض الشعرا*), в которое включил современных по преимуществу поэтов. Однако, поскольку Суфи Балту не коснулся многих сложных словесных и образных фигур, которые следовало бы упомянуть, Мутриби принял за составление «сей замечательной рукописи» (т.е. «Тазкират аш-шу'ара»). Когда Садики узнал об этом, то обиделся и порвал отношения с Мутриби. Далее наш автор пишет: «В настоящее время (т.е. в 1013/1604–05 г. — *Б.Н.*), как я слышал, он порвал свое прежнее сочинение и написал *тазкира* в стихах и прозе» (ТШ, л. 192б–193б)⁵⁶. В дни правления 'Абд ал-Му'мин-хана, т.е. в 1006/1598 г., Мутриби встречался с поэтом Назири Машхади в Самарканде (ТШ, л. 169б). Приходилось нашему автору сталкиваться и с поэтом Шухи Бухари. Шутки последнего превышали всякую меру. Этот шустрый отрок, учившийся у Хасана Нисари по повелению 'Абдаллаха, сильно задевал и Мутриби. Во время переписывания он садился Мутриби на шею, во время омовения опрокидывал *афтаба*, иногда похищал письменные принадлежности, ломал *калам* и убегал. Мутриби несколько раз обещал пожаловаться Нисари, но тот не боялся. Однажды Мутриби в присутствии Нисари и Шухи прочел следующую эпиграмму:

شوخی که مثال کره شوخ است نزد فضلا کم از کلوخ است

Шухи, шутник, подобный кошке,
Среди ученых он меньше комка земли.

⁵⁶ В «Ихйа ал-мулук» говорится о том, что Кази Балту выступал в качестве посредника в столкновениях между узбеками Мавераннахра и систанцами. Он был «человек гуманный, разумный и проникательный — среди тех людей не было подобного ему...» (*Малик Шах-Хусайн Систани*. Хроника воскрешения царей (Та'рих-и ихйа' ал-мулук). Пер. с перс., предисл., коммент. и указат. Л.П. Смирновой. М., 2000 (ПИБ, СХ). С. 239). Сочинение Садики, к сожалению, пока не обнаружено.

О том же поэте он пишет: «Я вижу его почерк в основном на стенах самаркандских *мазаров*». До этого упоминалась дата 1013/1604-05 год и сообщалось, что Шухи стал *наккашем* и писал *наста'ликом*. Это настоящее время «*هى بينم*» указывает на то, что в этом году Мутриби был в Самарканде и именно здесь, в своем родном городе, он закончил свое первое *тазкира* (ТШ, л. 211а). В 1020/1611-12 г. Мутриби снова видел Шухи в Бухаре и нашел, что он остепенился и приобрел ученость (ТД, л. 148а-б).

В 983/1575-76 г. Мутриби ездил в Балх. По пути он встретил Захира Кабули, известного купца, ехавшего в Индию. До Балха они шли с одним караваном и долго общались. Напоследок они обменялись *газальями* (ТШ, л. 67а, 232а-233а). В 1036/1626-27 г. Мутриби был в Бухаре и виделся с 'Абдаллах Хваджой Кабули (عبد الله خواجه كابلې), писавшим стихи с *тахаллусом* «'Абди». Некоторое время 'Абди занимал должность *садра* в Самарканде и Бухаре, а после восхождения на трон Имам-Кули-хана уехал в Индию. Следует отметить, что с 'Абди Мутриби встречался и прежде, в 996/1587-88 г. в той же Бухаре (ТД, л. 96а).

Мир Дусты Бустан-хани⁵⁷, известный самаркандский ученый, подолгу беседовал с Мутриби на научные темы и читал ему свои стихи (ТШ, л. 74б). Однажды Мутриби встретился с ним в доме его фаворита Йа'куб-хваджи Ахрари. В ту пору поэт вернулся в Самарканд из Индии за своей семьей. Он так хорошо рассказывал об Индии, что у Мутриби голова пошла кругом. Однако на тот момент он вынужден был отказаться сопровождать Мира Дусты, поскольку был связан по рукам и ногам своими обязательствами перед семьей (ТШ, л. 74б; ТД, л. 276-29а). Надо сказать, что Мутриби постоянно поддерживал связь с Индией — в первую очередь с теми поэтами и учеными, которых он прежде знал в Мавераннахре и которые позже уехали на субконтинент. Так, поэт Разми (رمى) прислал Мутриби *газаль* с просьбой написать ответ, что наш автор и сделал (ТШ, л. 203б-204а). Осуществить же свою давнюю мечту он смог уже будучи довольно старым человеком. Свой путь в Индию, которая так его манила, он начал в шестьдесят восемь лет. Добравшись до Лахора, Мутриби пишет, что здесь он надеется на встречу с Джахангиром (ТД, л. 29б). По пути в Индию Мутриби посетил знаменитого ученого той эпохи, Йусуфу Карабаги⁵⁸. Тот вспомнил прежнее знакомство и сказал, что теперь стихов уже не пишет. Мутриби сказал, что Йусуф уже отдалился от этого бренного мира, а он все еще привязан к нему. Потом Мутриби спросил ученого о возрасте. Тот отвечал, что ему — 76. Для Мутриби Йусуф прочел *газаль*. По возвращении из Индии Мутриби снова виделся с Карабаги на одном из *маджлисов*. Снова спросил его о возрасте. Тот отвечал — 77 (ТД, л. 157а-158а).

Мутриби общался и с сильными мира сего — с ханами, султанами и амирами. Так, в 990/1582 г. Мутриби видел Искандар-хана в Бухаре (ТД, л. 81б-82а). Кроме того,

⁵⁷ Мир Дусты Бустан-хани (مير دوستى بوستان خانى), писавший стихи с *тахаллусом* «Дусты», был одним из самых выдающихся самаркандских ученых того времени. Жил на известной самаркандской улице Бустан-хани. В детстве учился у Маулана 'Исматаллаха. Некоторые религиозные науки изучал под руководством Маулана Шахи Бустан-хани. В поэтическом ремесле — ученик Мукими Бустан-хани, *вака'анависа* 'Абдаллаха. Прекрасно знал поэтику и *му'амма*. Сочинял хорошие *касиды*. В 1011/1602-03 г. совершил *хаджж* и уехал в Индию, где был принят Акбаром. К 1035/1625-26 г. умер (ТШ, л. 74а-77б; ТД, л. 276-29а).

⁵⁸ Йусуф Карабаги (يوسف قرا باغى) писал стихи под псевдонимом «Йусуф». Был учеником Мирзы Джана, известного как Мулла-йи Нав. Особенно преуспел в философии и астрономии. Принадлежал к братству *Кубравийя*. Его духовная генеалогия восходила к *шайху* Хусайну Хваризми. Написал комментарий (*хашийя*) на «Шарх-и 'ака'ид» («Изложение основ вероучения») Джалал ад-Дина Давани. Является автором «Рисала дар тахкик-и самт-и кибла» («Трактат о точном определении азимута *кыблы*»), посвященного Имам-Кули-хану, и философского трактата «Рисала ал-батинийа» («Трактат о сокровенном»). В 1013/1604-05 г. жил в Самарканде. В 1034/1624-25 г. построил *ханака* в бухарском квартале Сафид Мун (سفید مون) и там преподавал. Имам-Кули-хан любил общаться с ученым и слушать его стихи (ТШ, л. 125а-б; ТД, л. 157а-158а; *Маттеевская, Розенфельд*. С. 592-593; *Мухаммад Йусуф Мунши*. Муким-ханская история. Ташкент, 1956. С. 83. Далее — *Мухаммад Йусуф Мунши*).

Мутриби рассказывает о своей аудиенции у 'Абдаллаха II, устроенной ему при посредстве *михтара*⁵⁹ верховного правителя. Хан поинтересовался, кто был наставником Мутриби в поэтическом ремесле. Тот ответил: «Хасан-хаджа Нисари Бухари». Тогда хан стал задавать ему вопросы о поэзии: что означает слово «поэзия» (شعر), кто первым стал сочинять стихи. Ответы Мутриби вполне удовлетворили хана, и он вознаградил его за труды. Из рассказа следует, что эта аудиенция была, скорее всего, экзаменом, может быть даже «смотринами», а не лекцией, целью которой является ликвидация пробелов в образовании 'Абдаллаха. Судя по всему, Мутриби хотел попасть в число придворных поэтов хана, но это ему не удалось⁶⁰. Тем не менее Мутриби имел доступ в *китабхана* 'Абдаллаха (ТД, л. 56). Периодически ему удавалось подносить хану свои стихи. Так, Мутриби написал *табаббу*' на вышеупомянутую *касиду* «Кар-нама», сделав ее *мувашиахом* на имя 'Абдаллаха. В *матла*' он использует цифры от 1 до 6. Из его *касиды* также извлекается целый ряд дополнительных *бейтов*. Мутриби преподнес ее *хакану* и получил награду. Одобрил *касиду* и Нисари (ТШ, л. 219а–220а; ТД, л. 206–21а).

Мутриби был частым гостем на *маджлисах* Кулбабы Кукельташа. Однажды Кулбаба сочинил *матла*' и обещал 1000 *танга* тому, кто сделает из него пять *бейтов*⁶¹.

⁵⁹ Должность *михтара* можно понимать двояко. С одной стороны, это мог быть руководитель военного духового оркестра, одновременно игравший на литаврах. Он имел придворное звание *михтара* (Беляев В. Очерки по истории музыки народов СССР. Вып. 1. Музыкальная культура Киргизии, Казахстана, Туркмении, Таджикистана и Узбекистана. М., 1962. С. 206). С другой стороны, это мог быть человек, занимающий должность от министра до казначея, ведающий всеми финансовыми делами государства (Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века. Ташкент, 1966. С. 82–83). Учитывая, что Мутриби (как и следует из его *тахаллуса*) был, помимо всего прочего, профессиональным музыкантом, то предпочтение, на наш взгляд, следует отдать первому варианту.

⁶⁰ Мутриби приводит свой *та'рих* на смерть хана:

بجنت برد رخت استقامت	فریدون زمان خاقان اعظم
جهان را کرد آبادان تمامت	شهنشاهی که از فرط عدالت
از این محنت سرای پر ملامت	بمان مرغ در ماه رجب رفت
بر پیش دیده اهل سلامت	نشانی از قیامت ماتم اوست
همه گفتند قائم شد قیامت	چو جستم از خلائق سال فوتش

Фаридун эпохи, величайший *хакан*,
Отнес одеяние крепости в рай.
Шахиншах, который от избытка справедливости
Весь мир сделал процветающим,
Подобно птице улетел в месяце *раджабе*
Из этого дворца тягот, полного осуждения.
Траур по нему — знак всеобщего воскресения
В глазах всех здравствующих.
Когда я искал среди людей год его кончины,
Все говорили: «Утвердился День Всеобщего Воскресения»

(досл.: «ка'им превратился в *кйамат*», т.е. «предстоятель стал Днем Всеобщего Воскресения»). *Маdda-йи та'рих* (без упоминания его автора) приводит Мухаммад Йусуф Мунши, а А.А. Семенов дает его дословный перевод как «стоящий во главе (государства) отправился на страшный суд» (см.: Мухаммад Йусуф Мунши. С. 69 и 253, примеч. 122). В ТД Мутриби прибавляет рассказ о своем сне, увиденном им через некоторое время после сочинения этого *та'риха*. Он видел 'Абдаллаха сидящим у источника, протекающего по степи, с зажженной свечой, пламя которой достигало небес. Покойный хан сообщил Мутриби свой *та'рих* на собственную смерть: «عبد الله بهادر خان». Тот подсчитал и обнаружил, что это выражение дает полную дату смерти хана. Мутриби спросил о значении этой свечи. В ответ покойный хан погасил свечу. В это время, пишет Мутриби, пришло известие об убийстве 'Абд ал-Му'мин-хана (ТД, л. 84б–85а).

⁶¹ Кулбаба Кукельташ был одним из самых влиятельных *амиров* 'Абдаллаха II. После захвата 'Абдаллахом Хорасана в 995/1588 г. он стал наместником хана в этой области с резиденцией в Герате. В ТШ говорится, что он писал стихи под псевдонимом «Мухибби» («Любовный, Дружеский», محبی). Автор *таз-кира* поясняет, что этот *тахаллус* он использовал потому, что был другом всем ученым и поэтам. Помимо

Мутриби выслушал этот *бейт* и нашел его слишком сложным. Тогда он сказал, что тому, кто сделает из этого *бейта газаль*, он даст 2 тысячи *танга*. В результате Мутриби получил разрешение прочесть другую *газаль* собственного сочинения. После этого Кулбаба сказал: «Не следует отступать от традиций поэтов. Сочини еще две *газали*». Наш автор поинтересовался, зачтется ли *мухаммас* за две *газали*, и предложил вниманию слушателей пятистрочный *мухаммас*. Таким образом, денег Мутриби не получил (ТШ, л. 135а–137а; ТД, л. 976–996). Впрочем, вероятно, что награды он так и не получил бы, поскольку в ТД (вслед за эпизодом о том, как Мухташам Каши не был вознагражден за *касиду*) Мутриби пишет, что с ним во времена ‘Абдаллалха нередко случались подобные вещи, иллюстрируя свои слова двумя эпизодами. Один из них связан с Амир Мухаммадом Баки-бей Дурманом, *диванбиги* Пир-Мухаммад-хана, пожаловавшим ему большое количество пшеницы, которую *амбардар* амира Мутриби не выдал, сославшись на то, что последний слишком поздно пришел. Второй эпизод связан с Кулбабой Кукельташем. Последний на бумаге обещал нашему автору десять верблюдов, нагруженных пшеницей. Не прочитав распоряжения, Мутриби отдал его *амбардару*. Последний взял поданную ему бумагу, завернул в нее десять пшеничных зернышек и вручил Мутриби. Тот спросил: «Что это?» *Амбардар* сказал: «Награда, которую вам даровал наш господин». Мутриби не поверил. Но кладовщик сказал, что в бумаге так и записано. Наш автор прочел *берат* и обнаружил, что *катиб* пропустил слово-нумератив «верблюд», в результате десять верблюдов с зерном превратились в десять зернышек. Мутриби обратился к *катибу*. Тот, будучи остроумным человеком, сказал: «Мой господин, на этом клочке бумаги не поместится и одного верблюда. Как же мне уместить десять?» Мутриби ничего не оставалось делать, как доложить Кулбабе. Последнему так понравилась эта история, что он добавил в награду нашему *мутрибу* еще десять верблюдов. Мутриби явился к *катибу* и сказал: «Ну, как ты теперь уместишь двадцать?» Тот сказал: «Если на то будет воля *мамдуха*, поместится и сто верблюдов». По замечанию Мутриби, это равносильно тому, что по приказу правителя сотня слонов может уместиться на одном ногте (ТД, л. 19а–20а). Что же касается доходов Мутриби, то о них ярко говорит один эпизод из ТД, в котором рассказывается об одном высокопоставленном чиновнике, пригласившем нашего автора к себе. Мутриби не явился. Когда же тот человек прислал за ним и поинтересовался, почему Мутриби не является к нему, наш автор ответил, что этому препятствуют семья и недостаток средств к существованию. Тогда тот взял *калам* и бумагу и со слов Мутриби записал все его ежедневные расходы (мука, мясо и даже масло для светильника). Оказалось, что на тот момент ежедневные расходы Мутриби составляли менее одного *хани*. Этот человек пригласил нашего автора

рассматриваемого эпизода Мутриби рассказывает о том, как однажды Кулбаба послал из Хорасана в Мавераннахр свою *матла* и потребовал написать ответ. *Бейт* был прочитан на *маджлисе* у Нисари, и все, кто мог писать стихи, сочинили ответ. В их числе были, конечно, сам Нисари и Мутриби (ТШ, л. 135б). Мутриби отмечает, что Кулбаба обладал хорошим поэтическим вкусом, и приводит его *газаль* (5 *бейтов*), *руба’и* и два *фарда* (ТШ, л. 136а). Мутриби сообщает, что Кулбаба был убит по приказу ‘Абд ал-Му’мин-хана. Когда его заковали в золотые цепи, он произнес *бейт*:

بزنجیری که چون شیر زبان دارند در بندم ز لفظ کندم عار است بیحد ورنه میکندم

Меня, как свирепого льва, держат в цепях,

От лязга оков моих позор бесконечный, а нет — разорвал бы я их.

Когда на шею ему надели ярмо, а на голову — седло-паланкин, он произнес следующий экспромт:

قدم دال و دو شاخه لام الف لت بر سر حالم دلالت میکند اینها که باید رفت از عالم

Шаги буквы *даль* и два зубца букв *лам* и *алиф* — булава надо мной,

Все они свидетельствуют о том, что нужно уходить из этого мира (ТШ, л. 137а; ТД, л. 986–99а).

к себе и стал платить ему два *хани* в день (ТД, л. 1326–133а). Судя по всему, основным средством существования Мутриби была переписка. Он сообщает, что переписал для разных людей около сорока *диванов* различных поэтов (ТД, л. 17а), поэтому он нередко приводит примерное количество *бейтов* в *диванах* некоторых поэтов. Так, Мутриби переписал *диван* Малика Куми для *садра* Насир ад-Дин Хваджи. Объем *дивана* равен примерно 20 000 *бейтов* (ТД, л. 23а). Наш автор отмечает, что *диван* Сана'и по объему был чуть меньше 9500 *бейтов* (не считая его «Саки-нама»). Поэзия также приносила ему некоторый доход. Так, в ТД Мутриби пишет, что было время, когда он жил *касидами* в честь султанов и амиров (ТД, л. 177а). Вообще, Мутриби считал профессию поэта выше должности *мухтасиба*, так как, говоря о том, что поэт Афзали стал *мухтасибом*, он пишет, что «звезда его гороскопа вернулась из зенита в надир» (ТШ, л. 41а). Наш автор пользовался покровительством правителя Самарканда Хаджжи-бия (Хаджжи Аталык Дурмана) и время от времени писал в его честь «естественные» (مطبوع) и «искусственные» стихи. Так, он приводит на страницах ТШ свою «искусственную» двухразмерную *газаль* (9 *бейтов*), а также стихотворение, написанное в форме дерева (مشجر). Эти стихи были посвящены Хаджжи-бию. Свою *газаль* Мутриби сопровождает подробным комментарием на те фигуры, которые искусственным образом извлекаются из данного стихотворения. Получив вознаграждение за эти стихи, Мутриби написал двухрифмовое *кит'а*, из которого ясно, что наш поэт получил в награду прекрасную лошадь, чалму, золото и сапоги (ТШ, л. 109а–113а).

В своей антологии Мутриби вспоминает и о том, как когда-то в праздник разговения в Ак-Сарае Самарканда он присутствовал на *маджлисе* у Абу-л-Хайра б. Джаванмард-‘Али-хана, казенного позднее по приказу ‘Абдаллаха II. Его попросили прочитать стихотворение в честь праздника, но Мутриби оказался не готов и получил разрешение прочитать *газаль* Джами. Абу-л-Хайр отметил странность подобного образа уклонения от чтения собственных стихов, но разрешение дал. Когда Мутриби прочел *газаль*, хан отметил, что у поэта Нами ‘Ираки есть удачный ответ на нее. Тут присутствовавший на собрании Хваджа Хасан Нисари сообщил, что Нами ‘Ираки происходит из деревушки Шимахин, что стихи его весьма хороши и что он один из лучших поэтов Ирака. Однако из-за своей бедности он не пользовался уважением среди людей и зарабатывал себе на жизнь переписыванием книг. Иногда он писал стихотворные нападки на Джами и Нава’и, вроде этого *кит'а*:

ذات من مجموعه فضل و کمال عالم است گر خریداری نباشد از کجا نامی شوم
کولی گیری خوب میداتم ولی کولی کجا ست چون علیشیری ببايد تا که من جامی شوم

Я — вместилище мудрости и совершенства всего мира,
Если не будет покупателя, как же я стану известным (нами)?
Скандалить я хорошо умею, но где же скандалист?
Он должен быть таким, как ‘Алишир, чтобы я стал Джами.

В конце концов он нашел покровительство у *ширванишаха*, потомка султанов Чагани. Маулана Мабрур ‘Абд ал-Гафур, один из лучших учеников Джами, написал в насмешку над Нами *кит'а*:

کاتب نامی شماخین را کافتم یافتم که بس عامی است
بد استاد بنده میگوید آنکه مشهور در جهان جامی است
گفتمش در حضور شروانشاه بد جامی مگو که بد نامی است

Писца известного Нами Шемахинского
Я изучил. Нашел, что он весьма прост.
Он плохо отзывается о моем учителе,
О том, кто известен в мире, о Джами.
В присутствии *ширванишаха* сказал я ему:
«Не говори плохо о Джами, ибо это — дурная слава (*баднами*)».

Эпизод этот показывает, что поэты могли являться на *маджлис*, не приготовив собственных стихов, однако в запасе у них обязательно должны быть стихи других поэтов, дабы иметь возможность выйти из положения, что в данном случае Мутриби и делает. Кроме того, ясно, что Абу-л-Хайр все же предпочел бы услышать экспромт. Сей царственный муж довольно хорошо разбирался в поэзии, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы на помощь Мутриби не пришел его учитель Нисари, отвлекший хана своим рассказом о Нами. Нисари же показал образец того, как должен вести себя поэт на *маджлисе* — это эксперт, в любой момент готовый развить ремарку, брошенную правителем, в целый рассказ (ТШ, л. 15а–б; ТД, л. 39б).

Мутриби иногда навещал *шахзаде* Мухаммад Заман-мирзу б. Шахрух-мирза Бадахшани, некоторое время находившегося в заключении в доме Кулбабы Кукельташа. Наш автор отмечает удивительную слабость Заман-мирзы к *мухаммасам*. Однажды Заман своей рукой переписал *газаль* Джамии и попросил Мутриби написать на нее *мухаммас*. Мутриби выполняет просьбу принца и приводит семь строф своего *мухаммаса* на страницах своего *тазкира* (ТШ, л. 16б–17а).

Мутриби рассказывает о том, как он встретился с Музаффар-султаном б. Джаванмард 'Али-ханом, казненным позднее, так же как и его брат, по приказу 'Абдаллаха, на *маджлисе* в саду имения 'Абд ал-Латиф-хана «в начале сезона розы, что был началом опьянения соловья». Когда Мутриби явился, праздник уже был в самом разгаре. Ему передали чашу с вином, но поэт отказался, сказав, что он постится. Султан удивился, как «столепестковая роза», и прочел такое *кит 'а*:

هر کس که توبه کرد بوقت گل از شراب
تایب شدن بوقت گل از لطف طبع نیست
کو توبه اش قبول کند غافر الذنوب
ساقی بیار باده علی رقم من یتوب
قطع تعلق از همه لذات کرده ایم
الاز جام باده صافی و روی خوب

У того, кто раскаялся в [питии] вина в период [цветения] розы,
Разве примет раскаяние Всепрощающий?
Покаяние в период розы — не от чистоты нрава,
О кравчий, принеси вина вопреки тому, кто раскаявается.
Мы отсекли от себя привязанность ко всем удовольствиям,
Кроме чаши чистого вина и прекрасного лика.

Потом султан предложил Мутриби прочитать *газаль* о бутоне розы, приличествующую их *маджлису*, тогда ему будет позволено не пить вина. Мутриби, немного поразмыслив, предложил вниманию собравшихся следующую *газаль*:

صبا دهان ورا پرز خورده زر کرد
هوای باغ چو فردوس روح پرور کرد
مدام صرف می ناب و جام و ساغر کرد
که میرسد بتو رزق آنچه حق مقدر کرد
قضا بباده مگر طینتتش مخمر کرد
بباغ غنچه سخن خون ز لعل دلبر کرد
نشین بپای گل و باده خور که نکهت گل
خوش آنکس که درین بزمگاه نقد حیات
دلا مخور غم روزی اسیر حرص مباح
ز مطربی همه بوی شراب می آید

В саду бутон слова пролил кровь прекрасного рубина,
Зефир наполнил его рот золотыми крошками.
Сядь рядом с розой и пей вино, ибо аромат розы
Сделал воздух сада подобным живительному *фирдаусу*.
Счастливы тот, кто на этом пиру, разменной монете жизни,
Непрестанно пил прозрачное вино из кубков и чаш.
О сердце! Не печалься, ни на день не становись пленником алчности,
Ибо достигнет тебя хлеб насущный, предназначенный Всевышним.
От Мутриби все время исходит запах вина,
Неужели судьба опьянила его вином?

Помимо всего прочего, Мутриби, видимо, служил Вали-Мухаммад-хану: он сообщает, что у последнего был альбом, в котором было записано по *бейту* из сочинений каждого поэта (ТД, л. 18а–б). Кроме того, наш автор пользовался покровительством Кази Мирза-бека, влиятельного вельможи Имам-Кули-хана, и нередко читал о нем *Фатиху* (ТД, л. 162а).

Особое место в биографии Мутриби занимает его визит к правителю династии Великих Моголов (932–1275/1526–1857) — Джахангиру (1014–1037/1605–1628). Когда Мутриби собрался в Индию, джуйбарский *шайх* ‘Абд ар-Рахим (خواجه عبد الرحيم), сын Хваджи Са‘да (خواجه سعد), известного как Хваджа Калан-хваджа Джуйбари (خواجه کلان خواجه جويباري)⁶², обрадовался и отправил его в Кабул раньше всех. Когда Мутриби добрался до Балха, из-за неотложных дел он не смог идти дальше и два месяца провел там (что это были за дела, автор не говорит, но, вероятно, он просто хотел пообщаться с местными *адибами* и собрать сведения для своей антологии). В это время в Балх прибыл ‘Абд ар-Рахим. Мутриби явился к нему. Тот сказал: «Вы все еще в Балхе! А мы думали, что вы уже добрались до Индии». Он проявил заботу о Мутриби. С его помощью наш автор отправился дальше и прибыл в Лахор к Джахангиру (ТД, л. 154а–155а). В среду, 19 *раби‘ ал-аввал* 1036/вторник, 8 декабря 1626 г. Мутриби сподобился видеть Джахангира. Шах сказал, что пожалует ему золото, халат, коня и седло, а также мальчика-слугу, но не сразу, а в несколько приемов. На первый раз Мутриби выбрал золото. Тут же была подготовлена 1000 рупий, каждая весом в два с половиной туранских *мискаля*⁶³. К этой сумме было прибавлено еще 500 рупий от Нур Джахан-бигим, супруги Джахангира. Сын Мутриби, Мухаммад-‘Али, получил украшенную золотом одежду и отрез пестрой ткани. В течение почти целого месяца Мутриби посещал аудиенции Джахангира, на которых видел много нового и диковинного. На одной из таких аудиенций по просьбе шаха Мутриби исполнил несколько музыкальных сочинений ‘Али-Дуста На‘и (ТД, л. 2176–2186). Джахангир очень интересовался поэтами и учеными Мавераннахра, и Мутриби много рассказывал о них. Правда, обмен информацией был обоюдным. Так, на одном из *маджлисов* Джахангир сообщил Мутриби, что поэт Асири (اسیری) некоторое время служил у него, потом уехал в *хаджж* и в пути умер. Кроме того, Мутриби выступил в роли эксперта, оценивающего степень сходства шибанидских правителей, с которыми он был лично знаком. По его указаниям были исправлены портреты ‘Абдаллаха II и ‘Абд ал-Му‘мина, хранившиеся в личной коллекции Джахангира⁶⁴.

Однажды, во время одной из встреч с шахом, вышел неприятный конфуз. Сын Мутриби, Мухаммад-‘Али, хотел купить для отца мальчика-слугу, но у него было только сто рупий, а нужно было сто двадцать. Его спросили, почему у него нет денег, когда шах пожаловал его отцу 1000 рупий. На другой день они принесли деньги, но шах сказал, что дарит этого слугу. Слуга жил у Мутриби и по возвращении из Индии (ТД, л. 2196–2206). Читая этот эпизод, испытываешь несколько неприятное ощущение

⁶² См.: Иванов. С. 55–83.

⁶³ Скорее всего, имеется в виду *мискаль* весом в 4,8 г, использовавшийся во всей Средней Азии с XVI по XIX в. (Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Пер. с нем. Ю.Э. Брегеля. М., 1970. С. 94–95).

⁶⁴ Джахангир коллекционировал портреты тимуридских и шибанидских правителей. Му‘тамад-хан в «Икбал-нама-йи Джахангири» (заключено в Кашмире в 1029/1619–20 или 1039/1629–30 г.) рассказывает о великолепной картине, изображающей битву Тимура с Тохтамышем. Изображение обладало портретным сходством. Всего на картине было изображено двести сорок ликов. Эту картину в 1028/1618–19 г. привез вернувшийся из Ирана от шаха Аббаса посол Хан ‘Алам (خانالم). Художник подписался как Халил-мирза Шахрухи (خليل ميرزا شاه رخى). Работа его была столь зрелой и превосходной, что была достойна кисти Бехзада. Если бы автор не подписался, то можно было бы подумать, что это действительно Бехзад. Поскольку дата более ранняя, то, по мнению Му‘тамад-хана, скорее всего, Бехзад был его учеником (The Iqbalnamah-i Jahangiri of Motamad Khan. Published by Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1865. P. 131–135).

ние. Здесь со всей очевидностью проступает цель поездки Мутриби — своего рода выездные гастроли ради заработка. Во многих других эпизодах, когда шах, для которого все это было игрой, предлагал выкупить ту или иную вещь, Мутриби всеми способами старался отшутиться и в итоге получал это в подарок. Ощущается некоторая прижимистость в характере нашего автора, что, впрочем, вполне объяснимо: ведь на иждивении Мутриби находилось двадцать человек (ТД, л. 245а–б). Следует отметить, что за эту поездку Мутриби «заработал» по меньшей мере 11 950 рупий. Надо сказать, что Мутриби в своих сочинениях практически ничего не говорит о своей семье. Судя по приведенным выше сведениям, а также на основании некоторых других высказываний Мутриби мы можем предположить, что у него было много детей. Тем не менее наш автор говорит лишь о двух своих сыновьях — старшем, Мухаммад-‘Али (محمد علی), и Шах-‘Али (شاه علی). Последний был зятем поэта Ашки Самарканди (ТД, л. 149а). Однажды Махмури, (مخموری)⁶⁵, сын Султан-мирзы, дяди ‘Абдаллаха, навещался к Мутриби в Балхе, а потом отправился вместе с ним и двумя его сыновьями в Даулатабад, где они целую неделю хорошо проводили время. Будучи в Даулатабаде, Махмури поинтересовался, пишут ли сыновья Мутриби стихи. Тот отвечал, что пишут. Тогда Махмури потребовал, чтобы они прочли по *gazali*. Сыновья Мутриби прочли по пять *бейтов* своих *gazalei*, написанных на одну и ту же рифму. Из этих *gazalei* становится ясным, что Шах-‘Али в своих стихах использовал *тахаллус* «Бидил» (بیدل), а Мухаммад-‘Али — *тахаллус* «Ма’йус» (مایوس): Надо сказать, что Мухаммад-‘Али довольно активно участвовал в литературных *маджлисах* Джахангира. Так, однажды шах попросил назвать поэтов и ученых Мавераннахра, с которыми было бы интересно пообщаться, дабы он мог послать золото и пригласить этих людей к себе (возможно, Мутриби был приглашен таким же образом). В ответ Мухаммад-‘Али рассказал Джахангиру о Маулана Сабири (صابری), сыне Хафиза Ташканди, известного как Хафиз Кухаки. Джахангир сказал, что, когда ему было девять лет, он часто видел Хафиза Кухаки во время его бесед с Акбаром (ТД, л. 229а).

Однажды Джахангир осведомился у Мутриби о его возрасте. Наш автор прочел по этому поводу *руба’и*:

عمر چون خدا دولت داد راهم بسوی خطه لاهور گشاد
دیدار همایون جهانگیر نمود آنروز که بود سال عمرم هفتاد

Когда Бог даровал счастье жизни,
Путь мне в область Лахора открыл.
Явил свиданье с *хумайуном* Джахангиром
В день, когда жизни моей было семьдесят лет.

В связи с этим Мутриби отмечает, что когда ему было около шестидесяти лет, он решил каждый год писать *руба’и*, в котором будет указан его возраст. Эти *руба’и* автор приводит на страницах своего сочинения. Невольно вспоминается «старческая» *касида* Рудаки. Любой поэт так или иначе в своем творчестве касается темы старости. Не обошел ее и наш автор, о чем свидетельствуют его двенадцать четверостиший. Хочется отметить, что эти четверостишия интересны прежде всего не своей художественной выразительностью, а заключенной в них информацией. Так, приводя эти *руба’и*, Мутриби отмечает, что, когда ему исполнилось 65 лет, он тяжело заболел. Болезнь длилась целый год, наш автор был близок к смерти, но в 66 лет он поправился. Это событие нашло отражение в одном из его «старческих» *руба’и*:

⁶⁵ Мутриби отмечает, что означенный *амирзаде* жил в Балхе и писал стихи не задумываясь. В Лахоре наш автор слышал, что тот уехал в Бухару и стал служить Имам-Кули-хану. В 1037/1627–28 г., вернувшись из Индии, Мутриби видел его в Самарканде. В этом же году он умер в Бухаре (ТД, л. 1776–178а).

چون عمر ز حد شصت و پنجم بگذشت هر چیز که بود ضعف در نجم بگذشت
در شصت و ششم کنون زد بر من ز کرم آن یار لطیف نکته سنجم بگذشت

Когда моя жизнь перешла границу шестидесяти пяти,
Все, что было у меня во рту, увеличилось вдвое.
В мои шестьдесят шесть теперь излились на меня щедроты,
Тот любезный друг превзошел мою пронизательность (ТД, л. 228б).

Кроме того, эти *руба'и* подтверждают, что Мутриби дожил как минимум до семидесяти одного года:

صد شکر که از لطف خدای نو المن رفتم سوی لاهور چو بادی بچمن
در مدت سیر بود عمرم هفتاد هفتاد و یک بود رسیدم بوطن

Сотня благодарений, что по милости великодушного Господа
Ушел я в Лахор, словно ветер на лужайку.
Во время путешествия жизни моей было семьдесят лет,
Когда вернулся на родину, было семьдесят один (ТД, л. 228б).

Расставание Мутриби с Джахангиром было тяжелым. Шах предложил нашему автору остаться и ехать вместе с ним в Кашмир, но тот, ссылаясь на старость, отказался. Шах спросил Мутриби, куда он направится. Тот ответил, что в Самарканд, поскольку у него там осталась семья. Шах спросил, сколько у него иждивенцев. Мутриби ответил, что двадцать. Шах предложил отослать в Самарканд 2000 рупий, чтобы его семья могла приехать в Кашмир. Но Мутриби не согласился. В итоге шах отпустил Мутриби с условием, что тот вернется через год. Мутриби прочел *Фатиху* и вышел (ТД, л. 244а–246а). В 1037/1627–28 г. он через Балх вернулся в свой родной город и, вероятно, в том же году умер, поскольку заметки его обрываются.

Обратимся теперь к творчеству Мутриби. Наш автор был персоязычным по преимуществу поэтом. Учитывая то обстоятельство, что в рассматриваемую эпоху поэты легко переходили с языка фарси на тюрки, мы можем не сомневаться в том, что у Мутриби есть тюркские стихи. Однако в прозаических сочинениях нашего автора, являющихся практически единственным источником, содержащим его стихи, мы не находим ни одного стихотворения на тюрки (вообще количество тюркских стихов в ТШ в сравнении с «Музаккир-и ахбаб» Нисари весьма незначительно). Образцы творчества поэта с *тахаллусом* «Мутриби» имеются лишь в одном из 58 поэтических сборников, обработанных О.Ф. Акимовскими⁶⁶. В своих же собственных сочинениях Мутриби приводит в общей сложности около 315 *бейтов*. В их числе 15 *бейтов* из *касиды* в честь *шайха* 'Абд ар-Рахима Джуйбари, написанной на арабском языке (ТД, л. 214а–б)⁶⁷.

Мутриби, как и Нисари, был сторонником сочинения «искусственных» стихов. Он пишет, что поэту, обладающему правильным вкусом, не следует уклоняться от написания таких стихов (ТД, л. 47б). В ТШ он приводит довольно много «искусственных» стихов (как своих, так и других поэтов), часть из них снабжена пространным комментарием. Кроме того, Мутриби упоминает большое число поэтических фигур, некоторые из них он подробно объясняет. Так, наш автор говорит об одном *бейте* Бури Балхи, одного из старых поэтов Балха. Однажды на *маджлис* хана 'Абд ал-Му'мина он принес *бейт*, написанный в форме *муттасила ал-миншари* (متصله المنشاری). Мутриби приводит этот *бейт*, представляющий собой набор связанных вместе зубцов, среди

⁶⁶ См.: Акимовский. С. 117, № 17:5–2 *газали* (рукопись № С1554, Nov. 1186).

⁶⁷ По У. Каримову, всего в ТШ Мутриби приводит 280 *бейтов* собственного сочинения (Каримов. С. 105). Согласно М. Бехрузу, Мутриби 30 раз цитирует свои стихи — 247 *бейтов* (Бехруз М.Х. Тазкире Мутриби как источник по дариязычным поэтам // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. Статьи и сообщения. М., 1986. С. 91–103).

которых иногда угадываются буквы *мим*, *ха-йи хавваз*, *каф*, *син* и *та*. Автор *тазкира* приводит объяснение *бейта*, давая его в обычной графике:

شب شیشه می به پیش مستی بشکست سسئیش بکن هیبت تب بنشست
 Ночь разбила пред пьяным чашу с вином,
 Слабость его навалилась на тело ужасом лихорадки.

Мутриби отмечает, что этот *бейт* справедливо может называться *муттасила* (поскольку в нем использованы только те буквы, которые могут связываться с последующими. — *Б.Н.*), однако не вполне соответствует качеству *минишари* («в форме пилы»), так как буквы *мим* и *ха-йи хавваз*, не имея в качестве своей основы зубца, выпадают из этой схемы. Автор «Тазкират аш-шу'ара» приводит свой *бейт* в виде *мувашишаха*, который он вставил в оду, сочиненную им в честь Баки-Мухаммад Бахадур-хана. В этом *бейте* Мутриби использовал только буквы, имеющие в качестве основы зубец:

شب شب تن سست نیست بی تب تن پیش تبست سست شب شب
 Вечерами слабое тело не лишено жара,
 Тело перед лихорадкой слабо вечерами.

Мутриби поясняет, что *муттасила ал-минишари* — это фигура, в которой буквы при написании связываются друг с другом и становятся похожими на зубцы пилы. Помимо своего *бейта* Мутриби приводит в качестве примера *бейт* Салмана Саваджи из *касиды*, сочиненной им в честь Хваджи Мухаммад-вазира (уб. в 736/1333 г.):

سسست پیش تبش تب تن پست تبش پشنت تن سست شکست
 Слабо перед ознобом лихорадки низменное тело,
 Озноб сломал хребет слабому телу.

Мутриби поясняет, что существует фигура *муттасила*, в которой все буквы *бейта* связаны друг с другом, однако не образуют форму зубцов пилы. Наш автор приводит пример из книги «Хада'ик ал-хака'ик»⁶⁸:

بیش لطف طلعتش قیمت مه شکست شد پیش بنفشه خطش گل بچمن نهفت شد
 Перед нежностью ее лица понизилась цена месяца,
 Перед фиалкой ее пушка заснула роза на лужайке.

Мутриби рассказывает, как однажды он сказал Нисари, что в *бейте* Саваджи буква *каф* неуместна. Хваджа Хасан улыбнулся и ответил: «Это — ручка пилы» (ТШ, л. 626–636). Фигуру *тадвир* Мутриби определяет так: «Знай, что фигура *тадвир* — это то, когда поэт сочиняет *мисра'*, состоящую из четырех *рукнов* в размере *хазадж-и мусамман-и салим*, и вписывает ее в круг так, что с какого бы *рукна* ни начали читать, получалась бы размеренная и рифмованная *мисра'*... Да будет известно, что автор книги „Хада'ик ас-сихр“⁶⁹ считал эту фигуру детской забавой» (ТШ, л. 45а).

⁶⁸ Имеется в виду книга Шараф ад-Дин Хасана б. Мухаммада Рами Табризи «Хака'ик ал-хада'ик».

⁶⁹ Имеется в виду книга Рашид ад-Дина Ватвата «Хада'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р» («Сады волшебства в тонкостях поэзии»). Надо сказать, что Хусайн Ва'из Кашифи не связывает *тадвир* с одним конкретным размером, как это делает Мутриби. Определение Кашифи шире: он выделяет два вида *тадвир* — один ограничен избранным размером, другой может изменять свой размер. Кашифи также приводит мнение Ватвата о *тадвире* (*Кашифи*. Бадаи', л. 516–526; *Рашид ад-Дин Ватват*. Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хада'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р). Пер. с перс., исслед. и коммент. Н.Ю. Чалисовой. М., 1985 (ПГВ, LXXIV). С. 169).

Интересна ремарка Мутриби относительно жанра *ta'rix* (хронограмма): «Да будет известно, что если на шахском здании будет [начертан] *ta'rix*, заключающий в себе высочайшее имя, то это хорошо. В отличие от того, когда *ta'rix* состоит из описания, а не имени. Он выпадает из области доверия, поскольку отличительной особенностью шахских зданий в сравнении со [зданиями] других людей является упоминание имени. Таким образом, если, например, Хваджа Таббахи построит помпезное здание, поэт сочиняет в его честь *ta'rix*, в котором описывается высота, вызывающая зависть замка джиннов и удивление капища Чина и тому подобное. И никто не может ему запретить и сказать: „Почему ты так описываешь?“ Поэтому, для того чтобы шахское здание отличалось от других зданий, безусловно, необходимо ставить имя, как это сделано в следующем *ta'rix*е:

در ارک عالی بلخ زیبا عمارتی شد تا آب و خاک باشد بادا بنای منزل
تاریخ و نام بانی پرسیده گشت گفتم تاریخ و نامی بانی کیستن قرای عادل

В высоком *арке* Балха появилось красивое здание,
Да будет здание дома, пока существует вода и земля.

Спросили о дате и имени строителя. Сказал я:

„Справедливый Кистин Кара“ — дата и имя строителя (=956/1549 г.).

И царственный господин Мирза Бакир б. *малик ал-куттаб* Маулана Мир ‘Али Ка-тиб также сочинил подобный *ta'rix* в честь окончания *ханака* господина полюса святых величественного *хваджи* Хваджи Баха ад-Дина Накшбанда — да освятит Аллах его могилу. Сей бедняк видел его высеченным на изразцах этого здания. *Ta'rix*:

خاقان روزگار درین منزل شریف از روی صدق بقعه میر بنا نهاد
جستم ز عقل ساعت اتمام و بانیش عبد العزیز خاقان زمانه جواب داد

Хакан эпохи в этом благородном месте

По милости своей гробницу основал.

Искал у разума я часа окончания и его строителя,

„‘Абд ал-‘Азиз-*хакан*“, мне век сей отвечал» (=953/1546 г.) (ТШ, л. 1066–107а).

Эталоном поэтического искусства Мутриби почитал своего учителя, Хасана Нисари. Степень зависимости Мутриби от Нисари хорошо иллюстрируется рассказом нашего автора о его беседе с Нисари по поводу парсидийных стихов одного из наиболее выдающихся поэтов той эпохи, Мушфики (*مشفی*). Нисари, как и многим другим, тоже доставалось от язвительного языка Мушфики, в связи с чем он недолго любил этого талантливого поэта (при этом дарование Мушфики он признавал). Однажды Нисари попросил Мутриби привести что-нибудь из пародийных стихов Мушфики. Мутриби стал отказываться. Он сказал, что Нисари — его учитель, поэтому то, что ему не дозволено Богом, не разрешено и ему, Мутриби. Нисари же сказал: «Ничего страшного, если ты прочтешь немного из того, что можно слушать». Тогда Мутриби рассказал Нисари весьма благопристойную историю с участием Мушфики. Тем не менее, после того как Мутриби закончил свой рассказ, Нисари предложил ему прочесть *Фатиху*, чтобы этот рассказ на небесах не считался грехом (ТД, л. 486–50а). Кроме того, наш автор очень любил известного поэта Файзи Хинди (*فیضی ہندی*). Он сообщает, что полностью переписал *диван* последнего (ТШ, л. 186а). Можно предположить, что наш автор тяготел к индийскому стилю в персидской литературе, хотя и не был его типичным представителем. Однако в Мавераннахре той эпохи существовал свой стиль. Этот стиль обычно противопоставлялся стилю иракскому, под которым, на наш взгляд, следует понимать школу реализма (*вуку‘сара‘и*) в персидской поэзии. Основными представителями этой школы были поэты, служившие при дворах сефевидских правителей, такие,

как Замири, Вали Даштбайази, Кули-Мийли 'Ираки и др. Относительно борьбы стилей в нашей антологии есть интересный рассказ. Мутриби пишет, что *курчи* 'Абд ал-Му'мин-хана не принимал стиля мавераннахрских поэтов, но был приверженцем иракского стиля. В качестве наказания означенный хан приказал отрезать *курчи* нос. Об этом поэт Мирза Фархад Тамма (میرزا فرهاد تامه) (псевдоним «Фархад») написал удачное руба'и:

کو قورچی خورده دان و خود بینی او تزیلف اکابر و سخن چینی او
هر بوی که برده بود از طرز عراق دوران هم را کشید از بینی او

Где мелочный *курчи* и его самодовольство?

Где его заискивание перед вельможами и сплетни?

Всякий запах, который он унюхал о стиле иракском,

Судьба отсекала от его носа (ТШ, л. 188а–б; ТД, л. 1366–1376).

В то же время Мутриби пишет, что поэт Ашки Самарканди, служивший Амир Дусту Вафа'и, писал в иракском стиле (ТШ, л. 43а). Значит, все-таки можно было писать в стиле сефевидских поэтов и не бояться быть изувеченным. Тем не менее о поэте Курайши наш автор сообщает: «Хотя он пишет не в иракском стиле, однако его стихи уловляют дикие сердца». Писал он не хуже Унси, Аниси, Замири, 'Урфи, Мийли и других (ТШ, л. 198б). Это, на наш взгляд, подтверждает тот факт, что Мутриби все-таки был сторонником мавераннахрского стиля.

Мутриби Самарканди является автором трех прозаических сочинений — «Тазкират аш-шу'ара», «Нусха-йи зйба-йи Джахангир» и «Хатират-и Мутриби». Последние два сочинения объединены в одном переплете под общим названием «Та'рих-и Джахангири». Г. Эте считает последние два сочинения одним произведением. На наш взгляд, обе точки зрения имеют право на существование, о чем мы скажем ниже.

Теперь же рассмотрим сочинения Мутриби в хронологическом порядке.

Первым произведением нашего автора является «Тазкират аш-шу'ара» («Памятка о поэтах»). Сочинение написано на персидском языке и посвящено правителю Мавераннахра Вали-Мухаммад Бахадур-хану (1015–1019/1606–1611). Перед тем как представить сочинение на суд столь высокого судьи, Мутриби предложил ученым мужам Самарканда прочесть его и с учетом их замечаний отредактировал (ТШ, л. 4а). На листе 2а, сверху над текстом имеется надпись: «Составлена эта книга в эпоху Баки-Мухаммад-хана. Автор по имени Нисари в год 1013-й (1604-05) был современником Акбар-падшаха». Совершенно очевидно, что имя автора *тазкира* указано неверно, что весьма странно, поскольку достаточно прочесть одну-две *газали* автора, чтобы понять, что он пользовался *тахаллусом* «Мутриби». В то же время и Нисари (ум. 1004/1595-96), и Мутриби были современниками Акбара (964–1013/1556–1605). Относительно же даты можно с уверенностью сказать, что это действительная дата составления сочинения, поскольку в самом тексте она встречается десятки раз в следующей формуле: «а ныне, в год 1013-й, такой-то живет там-то или делает то-то». Тем не менее причина отнесения *тазкира* перу Нисари отчасти понятна. Дело в том, что на ниве поэзии Мутриби являлся ближайшим учеником Нисари. Кроме того, из самого *тазкира* следует, что Мутриби был «правой рукой» и постоянным участником литературных *маджлисов* своего учителя. Далее, поэтическая антология Нисари пользовалась большой популярностью в Мавераннахре той эпохи. Все это могло послужить причиной того, что сочинение, начатое, по всей вероятности, еще при жизни Нисари, было приписано ему, тем более что антология Мутриби хронологически продолжает сочинение Нисари «Музакир-и ахбаб». Таким образом, мы можем сказать, что «Тазкират аш-шу'ара» Мутриби является четвертым по счету *тазкира* в «литературной генеалогии» Мавераннахра после «Тазкират аш-шу'ара» Даулатшаха

Самарканди (892/1487 г.), «Маджалис ан-нафа'ис» 'Алишира Нава'и (896/1490-91 г.) и «Музаккир-и ахбаб» Хасана Нисари (974/1566-67 г.). В структурном отношении сочинение Мутриби схоже с указанными *тазкира*, однако в каждом из них расположение материала построено по своему оригинальному принципу: хронологический — у Даулатшаха, социально-иерархический — у Нава'и, принцип личного знакомства и отношения к Бухаре — у Нисари. Мутриби же избирает иной принцип.

Итак, «Тазкират аш-шу'ара» Мутриби построено в порядке числовых значений букв арабского алфавита (*абджада*). Таким образом, Мутриби словно составляет *диван* из поэтов (хотя в поэтическом *диване* и используется алфавитный порядок). Автор разделяет свой труд на *тасмийе* и 29 *харфов* (29-й *харф* — сочетание букв *лам* и *алиф*; в этом *харфе* упомянуто всего пять поэтов). *Тасмийе* посвящено правителям, писавшим стихи и покровительствовавшим поэзии. *Харфы* — биографические сведения об *адибах* второй половины XVI в., живших в Мавераннахре, Иране, Ираке, Индии. *Тасмийе* и каждый *харф* разделены на три части. Каждая из трех частей *тасмийе* носит название *исм*, а каждая часть *харфа* — *нукта*. В первой части говорится о правителях, или *адибах*, которых Мутриби не только видел, но и с которыми лично общался. Вторая часть посвящена тем, кого наш автор видел, но с кем пообщаться ему не удалось. В третьей части говорится о тех, кого Мутриби не видел и сведения о ком он почерпнул из третьих рук. Таким образом, степень достоверности (а равно и объем сообщаемых сведений) убывает от первой к третьей части. Всего в *тазкира* упомянуто 337 *адибов*. На основании нашего *тазкира* можно предположить, что в литературных *маджлисах* иногда принимали участие женщины. Об этом говорит эпизод с одной сварливой женщиной по имени Атун (أتون), обладавшей поэтическим талантом и слагавшей экспромты. Наш автор приводит несколько неприличный экспромт поэтессы (ТШ, л.61б). Мутриби старался разнообразить несколько монотонный характер повествования. Для этого он включил в свой труд различные рассказы, анекдоты, полезные советы (فایده). Так, например, после сентенции о пользе путешествия Мутриби приводит *руба'и*, которое рекомендуется как можно чаще читать в путешествии, чтобы избежать всех опасностей и благополучно вернуться назад:

گر در سفرم تویی رفیق سفرم ور در حضرتم تویی انیس حضرتم
هر جا که نشینم و بهر جا گذرم جز تو نبود هیچ مراد دگرم

Если я в пути, Ты — спутник мой,
И если я дома, Ты — сотоварищ мой у домашнего очага.
Где б я ни сел, где б ни прошел,
Кроме Тебя, нет у меня цели иной (ТШ, л. 67а–69а).

После рассказа о случае на литературном *маджлисе* Музаффар-султана (см. выше) Мутриби дает совет тем, кто хочет бросить пить. Для этого необходимо переписать *суру* «المؤمنین» («Верующие», *сура* 23), повесить листок себе на шею, и Всевышний Господь избавит человека от недуга винопития (ТШ, л. 19а). Эти и подобные им рассказы превращают антологию Мутриби в весьма увлекательное чтение.

Поскольку одна и та же дата проходит красной нитью сквозь все *тазкира* (1013/1604-05 г.)⁷⁰, очевидно, что автор поставил целью закончить свой труд именно

⁷⁰ Необходимо отметить, что однажды в конце сочинения на полях л. 234б встречается дата 1014/1605-06 г. Это год достижения поэтом Гани Ташканди степени *иршада*. Эта дата, на наш взгляд, лишь подтверждает то, что мы имеем дело с черновым вариантом, который дополнялся и после окончания основного текста антологии. Что же касается других дат, то они встречаются крайне редко. Это — дата пребывания в Бухаре (998 г.х., л. 26а); дата смерти поэта Ашрафи (1007 г.х., л. 38б); дата переселения Бахри в Балх (1011 г.х., л. 61а); дата поездки Мутриби в Балх (983 г.х., л. 67а); дата совершения *хаджжа* Дусти (1011 г.х., л. 75б); дата смерти Хичи (1000 г.х., л. 90б); дата встречи Мутриби с Васли и *хваджой* Мухам-

в этом году. Однако по ходу написания любого сочинения все самое интересное нередко появляется к концу, поэтому вполне естественно, что в *тазкира* присутствует элемент незаконченности, записи на полях, дополнения. Скорее всего, автор начал формировать свой труд именно в 1013/1604-05 г., предварительно собрав многочисленный материал о поэтах. По ходу написания труда он пытался уточнить некоторые сведения, а также информацию о том, чем на данный момент занимается тот или иной герой его *тазкира*. Кроме того, несомненно, что сведения о некоторых поэтах были получены Мутриби именно в 1013 г.х. На этот год у нашего автора накопилось значительное количество «заметок». Автор сам говорит о том, что некоторые стихи ему присылали из других городов. Несомненно, у Мутриби был свой *баййаз*, в который он записывал стихи различных поэтов, а иногда и сами поэты записывали свои стихи. Так, Аташи Бухари прислал Мутриби в Самарканд три свои *газали* (ТШ, л. 56а). Мулла Сабури принес Мутриби *газаль* Йусуфа Карабаги (ТШ, л. 125б). *Газали* Амини предоставил Мутриби Хаджи-бей Аталык Кушчи, попросивший их у сына Амини, Хваджи Хашима (ТШ, л. 33а). Мираки собственноручно записал несколько *бейтов маснави* и *руба'и* и вручил их Мутриби (ТШ, л. 142б). Наш автор пишет, что на момент завершения *тазкира* у него не было под руками «искусственных» стихов Маулана Фарши, так как последний отправился в *хаджж*. Поэтому он их и не привел (ТШ, л. 183б).

Следует отметить, что текст ТШ не полон. Так, между листами 170б и 171а имеется лакуна. *Нукта 1 харфа* «нун» незавершена, *нукта 2* и *3* того же *харфа* отсутствуют. От *нукта 1 харфа* «син» остались только два *бейта газали* поэта Силя (судя по *тахаллусу* в *макта'*) и упоминание о поэте Сирри, который некоторое время вел себя по отношению к Мутриби довольно грубо, а потом стал общаться по-человечески. Имеется лакуна и между листами 190б и 191а. На л. 190б речь идет о Садики, а на л. 191а мы уже читаем окончание памятки о поэте Сайрафи. Но эта лакуна в пределах *нукта 1*.

В начале сочинения Мутриби обещает приводить на полях размеры для цитируемых стихов. Это свое обещание он исполняет лишь отчасти. Вместе с тем можно сказать, что ТШ Мутриби носит ярко выраженный литературоведческо-филологический характер. Наш автор нередко комментирует цитируемые им стихи и указывает на те или иные недостатки. Надо сказать, что Мутриби мог высказать в лицо автору свои претензии к стихотворению. Так, на одном из *маджлисов* Мутриби попросил *газаль* у поэта Кудаки. Последний написал стихотворение на листочке и вручил нашему автору. Тот прочел и сказал, что в этой *газали* есть ряд недостатков в рифмах. При этом наш автор ссылается на трактат по поэтике 'Ата'аллаха «Бада'и' ас-сана'и'» (899/1493 г.). Кудаки обиделся и потребовал назад листок со стихотворением. Мутриби вернул. Наш автор отмечает, что снова виделся с Кудаки в 1037/1627-28 г. К этому времени стихи его стали намного лучше (ТШ, л. 128б–129а; ТД, л. 142а–б). Из этого и подобных ему эпизодов мы можем заключить, что основным недостатком в рифме в то время было *ита-йи джали*, т.е. повторение рифмующегося слова в том же самом значении⁷¹.

мад Исламом (1008 г.х., л. 96б); дата смерти поэта Таб'и (991 г.х., л. 118б); дата встречи Мутриби с 'Абди в Чарбаге (996 г.х., л. 173б); дата смерти Файзи Касани (1006 г.х., л. 185а); дата смерти Сабири (1006 г.х., л. 194б); дата переезда в Индию Кадри (993 г.х., л. 202а). Один раз приводится, очевидно, неверная дата. Так, Мутриби пишет, что в 888/1483-84 г. один из знатных людей Газнийского вилайата написал «искусственную» *газаль* и отправил ее в Герат. Из Герата она была отправлена в Самарканд, где наш автор написал на нее ответ. Дата события, несомненно, ошибочна. Дело в том, что в это время Мутриби еще не было на свете. Скорее всего, следует принять дату 988/1580 г. (вероятно, переписчик написал цифру «800» автоматически, так как сначала ему пришлось написать цифры «8» и «80») (ТШ, л. 116–13б).

⁷¹ См.: *Хусайн Ва'из Кашифи*. Бадан' ал-афкар фи санан' ал-аш'ар. М., 1977, л. 72а.

В качестве основных источников наш автор использовал сочинение своего учителя «Музакир-и ахбаб», которое он иногда цитирует, предварительно ссылаясь на Нисари (как, например, в случае с памяткой о Мушфики). Кроме того, Мутриби использовал *тазкира* Даулатшаха, которого наш автор на полях л.166а называет «сведущим *амиром*», что свидетельствует о том, что как в те времена, так и гораздо позже он пользовался непререкаемым авторитетом. Так, на полях листов 203а–б и 204а помещено упоминание о Насир-и Хусрау. Оно представляет собой сокращение соответствующей главы антологии Даулатшаха. Текст цитируется почти дословно. Запись сделана более поздней рукой. Помимо этого, наш автор приводит выдержку из сочинения «Та'рих-и Банакати» (تاریخ بناکاتی), посвященную описанию земли и семи климатов. Кроме того, приводится карта климатов, составленная в обсерватории Улугбека в Самарканде (ТШ, л. 154а–156а). «Та'рих-и Банакати» цитируется Мутриби и в рассказе о Сун'и Хита'и (صنعی خطایی). О Сун'и говорили, что он был очень маленького роста и что мать носила его во чреве двадцать два года. В доказательство тем, кто этому не верил, Мутриби и приводит рассказ Банакати о китайце, который был во чреве матери восемьдесят лет (ТШ, л. 1956–1966)⁷².

В колофоне списка приводится заключительное двухрифмовое *руба'и*:

صد شکر که این نامه باتمام رسید و آغاز کتاب ما بانجام کشید
نقشی که مراد مطربی بود بدهر آمد ز پس پرده ایام پدید
الحمد لله علی الاتمام الحمد لله
علی کل حال

Сотня благодарений, что завершилось это послание
И что начало книги сей пришло к концу.
Картина, что была единственным стремлением Мутриби в веке сем,
Явилась из-за завесы дней.
Слава Аллаху за окончание, слава Аллаху за все.

Это же самое *руба'и* приводится и в конце ТД (здесь в конце 2-го *мисра'* первого *бейта* стоит не глагол *کشید*, а *رسید*; ТД, л. 246а). Никаких сведений о дате завершения сочинения в колофоне, к сожалению, не сообщается.

Следует отметить, что списком ТШ довольно активно пользовались. Так, например, 28 *мухаррама* 1242/1 сентября 1826 г. на полях л. 43а была записана краткая биография и образцы стихов поэта Муллы Мухаммад-Рахима Кулаби (ملا محمد رحيم کولابی). Поэт Мир Ахмад с *тахаллусом* «Азхар» (اظهر) на л. 212а помещает пять *бейтов* своей *газали*-ответа на *газаль* Анвари, а на л. 213а — *матла'* ответной *газали* на *газаль* Вали Даштбайази. Кроме того, в списке имеются три пометы Хваджи Ни'маталлаха Кари — на л. 131а он поясняет, почему Мутриби назвал Лутфи Самарканди «простаком в поэзии», на л. 202а помещает на полях собственное *матла'*, написанное в ответ на *матла'* Курби Нассаджа (قربى نساچ), а на л. 226б на полях сверху, как раз над *руба'и* Хиргахи, Кари приводит собственное *руба'и*, являющееся еще одним звеном в цепи

⁷² «Та'рих-и Банакати» — всеобщая история от Адама до 717/1317 г. Автор — Фахр ад-Дин Абу Сулайман Дауд б. Аби-л-Фазл Мухаммад Банакати (ум. 730/1329–30), получивший в 701/1301–02 г. от Газан-хана титул *малик аш-шу'ара* (см.: *Стори*. Ч. 1. С. 323). Что же касается остальных сочинений, упомянутых Мутриби в ТШ, то мы отсылаем читателя к статье М.Х. Бехруза «Газкире Мутриби как источник по дариязычным поэтам» (Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. Статьи и сообщения. М., 1986. С. 91–103). В этой статье, в Приложении 3, приведен список трудов, «использованных им при составлении *тазкире*...» (с. 93, 101–102). Хотелось отметить, что список этот не совсем полный (отсутствует, например, «Фунун-и тарик-и масну'»). Кроме того, часть сочинений, будучи упомянутыми в антологии, не были вместе с тем источниками *тазкира* Мутриби (например, «Фава'id аз-Зийа'ийа», «Хидайа»).

ответов на *руба'и* Мухташама Каши и развивающее тему «свеча и мотылек»⁷³. Во всех трех случаях Кари ставит свою подпись, а в последнем случае добавляет дату — 1224/1809-10 г. Судя по всему, список какое-то время принадлежал Кари. В то же время на л. 157б имеется «договор» купли-продажи и сообщается, что данный список был приобретен неким 'Абд ар-Расул-биком у Мухаммад-Исхака 15 *ша'бана* 1243/3 марта 1828 г. за четыре динара. Приведенные отрывки (а равно и другие ремарки) свидетельствуют о том, что список пользовался популярностью: его внимательно изучали, причем изучали критически.

До настоящего времени сохранилось две рукописи «Газкират аш-шу'ара» Мутриби: одна из них хранится в ИВ Республики Узбекистан за № 2253, вторая — в частной библиотеке афганского ученого Мухаммада Салиха Пируфта⁷⁴.

Значение данного *тазкира* заключается в том, что в нем упомянуто более трехсот *адибов*, и сама эта цифра уже свидетельствует о продолжении развития литературной традиции, заимствованной Шибанидами у Тимуридов. Кроме того, сочинение содержит достаточное количество имен поэтов, оставшихся в истории лишь благодаря перу Мутриби. И наконец, эта антология дает интересный материал о литературных связях Мавераннахра и Индии во второй половине XVI в. Особая ценность данного сочинения, как, впрочем, и других сочинений Мутриби, заключается в том, что наш автор был непосредственным участником большинства событий, о которых он рассказывает. Это придает нашей антологии еще большую живость и достоверность. Это не официальная реляция, полная пышных и сухих выражений, но собрание зарисовок, помогающих «оживить» литературный процесс тех лет. Читая *тазкира* Мутриби, мы словно переносимся на четыреста лет назад в прошлое. Перед нами появляются люди той эпохи: у каждого свой характер, образование, пристрастия. Они общаются друг с другом, любят, ненавидят, хвалят друг друга и пишут друг на друга пародии. Разумеется, на основании одного только сочинения Мутриби невозможно реконструировать процесс развития литературной жизни рассматриваемой нами эпохи. Тем не менее эта антология закладывает твердый фундамент для подобной реконструкции. Хронологические рамки этого сочинения несколько шире пятидесяти лет. *Тазкира* — это связь поколений, звено между прошлым и будущим. С одной стороны, в нем упоминаются старые поэты, с другой — поэты начинающие, ничем не заметные, о которых написано две-три строчки. Но именно они и составляют славу будущего и становятся главными действующими лицами последующих *тазкира*. Все это применимо к антологии Мутриби «Газкират аш-шу'ара», а также и ко второму его сочинению — «Та'рих-и Джахангири».

Как мы уже отмечали, о «Та'рих-и Джахангири» существует две точки зрения. Первая принадлежит Г. Эте, который считает весь текст этого списка одним сочинением, разделенным на две части (*силсила*) и заключение (*хатима*)⁷⁵. Вторая точка зрения принадлежит издателям сочинений Мутриби, мнение которых излагает Б.А. Ахмедов. Согласно этому взгляду, «Та'рих-и Джахангири» является атрибутивным названием. В действительности весь текст делится на два сочинения — «Нусхайи зибайи Джахангир» и «Хатират-и Мутриби». И Эте, и издатели текста ТД держа-

⁷³ Данный эпизод использован А.М. Мирзоевым для иллюстрации традиции сочинения стихов-*джавабиййа* (см.: Мирзоев А.М. Камал ад-Дин Бинан. М., 1976. С. 35–36). Руба'и Кари автором монографии учтено не было.

⁷⁴ Сведения о рукописи из частной коллекции приводит Б.А. Ахмедов, ссылаясь на Хисам ад-Дина Рашиди, комментатора издания «Нусхайи зибайи Джахангир» (Ахмедов Б.А. Тазкира Мутриби как источник по истории Средней Азии // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 36–44. Далее — Ахмедов).

⁷⁵ *Ethé H.* Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office. Vol. 2. Oxf., 1937. № 3023. P. 10–11.

ли в руках сам список. Мы же пользовались микрофильмом. Тем не менее, несмотря на это преимущество издателей текста, у нас сложилось определенное мнение по этому поводу. Сразу следует оговориться, что список ТД имеет серьезный недостаток — имена персоналий в заголовках и подзаголовках не приводятся. Они либо были стерты (возможно, были написаны золотом), либо переписчик оставил место, чтобы потом внести эти имена, да так и не внес, либо этот недостаток имелся и в автографе (или авторском варианте). Скорее всего, эти имена были стерты, так как иногда в пробелах угадываются отдельные слова. В связи с этим имена некоторых *адибов* устанавливаются на основании сличения с текстом ТШ, некоторые имена, будучи пропущенными в заголовке, упоминаются в ходе дальнейшего повествования, некоторые *тахаллусы* устанавливаются по *макта'* приводимых *газалей*. Последний вариант не всегда надежен, поскольку *макта'* приводится не всегда (особенно это справедливо для трехбейтовых вариантов *газалей*). В случае же, когда упоминание очень кратко, а в качестве образца приводится лишь один бейт или *руба'и*, идентификация становится крайне затруднительной. Тем не менее нам удалось идентифицировать около $\frac{3}{4}$ всех имен «главных действующих лиц» ТД. По всей видимости, именно эта проблема явилась препятствием для издания большей части текста ТД, которая носит название «Нусха-йи зиб-йи Джахангир». Издана была только часть ТД, посвященная воспоминаниям Мутриби о его встречах с Джахангиром⁷⁶.

Итак, в самом начале списка ТД Мутриби пишет, что он решил написать сочинение о том, что ему пришлось повидать за семьдесят лет. Дата начала составления сочинения — *раджаб* 1034/апрель–май 1625 г. В это время Мутриби было 68 лет. В то же время упоминание о 70-летнем возрасте указывает на то, что автор, скорее всего, писал эти строки в 1036/1626–27 г. (ТД, л. 1б–3а). Вместе с тем при первой встрече Джахангир спросил, почему Мутриби, будучи в Лахоре уже месяц, так и не навестил к нему. Наш автор отвечал, что был занят составлением книги «Нусха-йи зиб-йи Джахангир», которую он собирался поднести шаху. Шах спросил о дате завершения этого сочинения. Мутриби на это прочел следующее *руба'и*:

بر نام جهانگیر شه چرخ حشیم این نسخه دلگشا چو آمد بتلیم
تاریخ تمامش خرد خورده شناس زد نسخه زیبای جهانگیر رقیم

Когда на имя Джахангир-шаха, почтенного господина,
Была составлена эта дарящая радость рукопись,
Полную дату ее окончания разум искусный
Записал: «Прекрасная рукопись Джахангира» (=1034 г.х.).

Это *руба'и* настолько понравилось Джахангиру, что он потребовал прочесть его еще раз (ТД, л. 196б; данное *руба'и* в несколько поврежденном виде приводится и в начале списка на л. 3а–б). Из приведенного четверостишия следует, что дата начала и дата окончания сочинения совпадают. В то же время мы знаем, что Мутриби прибыл ко двору Джахангира в 1036 г.х. В связи с этим можно предположить, что в 1034 г.х. был закончен первоначальный вариант сочинения, а в 1036 г.х. — подарочный вариант, преподнесенный Джахангиру. Несомненно и то, что существовал и третий вариант, созданный после возвращения из Индии, поскольку в тексте сочинения встречается дата 1037 г.х. (в свете этого наш список был выполнен с третьего варианта). Таким образом, мы полагаем, что в 1034/1625 г. наш автор начинает упорядочивать собранные им за многие годы материалы и этот процесс продолжается до самой его смерти. Подарочный же вариант был создан им за тот самый месяц его пребывания в Лахоре в ожидании встречи с шахом.

⁷⁶ См.: Ахмедов. С. 41–42, 44.

О своем пребывании при дворе Джахангира Мутриби решил создать особые воспоминания. К составлению этих воспоминаний он приступает в четверг, 9 *джумада ас-сани* 1036/25 февраля 1627 г. Затем по требованию Джахангира Мутриби читает хронограмму составления своих воспоминаний:

زر دستار و اسب و زين و خلعت بمن انعام شد از لطف شاهي
ز بهر اين عواطف سال تاريخ رقم زد عقل تشریف آهي

Золото, *дастар*, лошадь с седлом и халат
Были пожалованы мне по милости шаха.
Об этих благодеяниях дату и год
Разум записал: «Благодеяние Бога» (=1036 г.х.).

Антология Мутриби Джахангиру понравилась. Ее каждый день читал ему Фасихан. Когда последний дочитал всю книгу до конца, шах повелел поместить книгу в его личную библиотеку (ТД, л. 203а, 227а, 229б). Кроме того, Джахангир предоставил в распоряжение Мутриби свои заметки о поэтах, служивших его отцу. Эти заметки он составлял, еще будучи принцем. Джахангир сказал, что было бы хорошо, если бы Мутриби этими заметками завершил свою книгу (ТД, л. 229б). Повествование в этих заметках идет от лица Джахангира. В них очень кратко упоминается 81 поэт (ТД, л. 230а–244а). Ценность этих заметок невелика, поскольку они более чем конспективны и отрывочны, хотя некоторые сведения из них могут быть извлечены. Эти заметки помещены в книгу воспоминаний Мутриби. Судя по всему, воспоминаний Мутриби Джахангир не видел, поскольку закончены они были после отъезда Мутриби (об этом, на наш взгляд, свидетельствует наличие рассказа о прощании Мутриби и Джахангира).

Итак, как мы видим, у нас есть все основания разделить «Та'рих-и Джахангири» на два сочинения (несмотря на то что, по нашему мнению, аттестация воспоминаний Мутриби как «Хатират-и Мутриби» искусственна, хотя и отражает содержание). В то же время помещение завершающего *руба'и* (того же, что и в ТШ) после воспоминаний может говорить о том, что сам автор воспринимал ТД как единое целое, хотя это название ни разу в тексте сочинения не встречается. Кроме того, материал антологии и воспоминаний имеет общий стержень — повествование о среднеазиатских *адибах*. В связи с этим, на наш взгляд, обе точки зрения о ТД имеют право на существование. И все же представляется более целесообразным и логичным считать текст рукописи одним сочинением, поскольку сам автор на л. 195а пишет, что эта часть сочинения называется *хатима* и посвящена она событиям, происшедшим во время пребывания Мутриби при дворе Джахангира.

Таким образом, ТД состоит из двух *силсила* и *хатима*. Первая *силсила* посвящена чагатайским правителям и служившим им поэтам (Мутриби отмечает, что *диваны* этих поэтов были хорошо известны в Мавераннахре), вторая *силсила* посвящена узбекским правителям. Вторая *силсила* разделена на две *табака*: первая *табака* посвящена Чагатаидам, вторая — Чингизидам. *Хатима* же включает в себя отчет о пребывании Мутриби при дворе Джахангира.

Список ТД был переписан во вторник 23 *ша'бана* 1075/субботу 11 марта 1665 г. в Шахджаханабаде переписчиком по имени Мухаммад Амин Хусайни (ТД, л. 246а). ТД представлено единственным списком, хранящимся в Библиотеке Индия Офис за № 3617⁷⁷.

⁷⁷ См.: *Ethé H. Catalogue of Persian Manuscripts*. Следует отметить, что, согласно сообщению Эте, список ТД содержит 241 лист. Судя по всему, Эте не считает повторяющиеся листы. Так, л. 112а–б является повтором л. 111а–б, л. 114а–б — повтор л. 113а–б, л. 118а–б — повтор л. 117а–б, л. 144а–б — повтор л. 143а–б, л. 172а–б — повтор л. 171а–б. Таким образом, общее количество листов равно 246.

По содержанию ТД представляет собой *тазкира*, в котором упомянуто 292 *адиба*. Примерно около половины всех *адибов* упомянуты и в ТШ. Вместе с тем значение ТД весьма велико, поскольку, будучи по сути дела продолжением, а отчасти и повторением ТШ, это сочинение сообщает нам дополнительные сведения об уже известных поэтах, иногда по-новому освещает их биографии, а главное, сообщает об их дальнейшей судьбе — ведь временной разрыв между первым и вторым сочинением составляет примерно двадцать лет. В то же время следует отметить, что иногда сведения, сообщаемые в ТД, противоречат ТШ. Так, например, говоря о поэте Фани Гидждувани, Мутриби в ТШ отмечает, что в 1013/1604-05 г. он живет в Ташкенте, а в ТД пишет, что поэт умер в Ташкенте в 1006/1597-98 г. (ТШ, л. 185б; ТД, л. 109б–110а). В данном случае, на наш взгляд, следует больше доверять сведениям ТШ, поскольку это *тазкира* было составлено в том же году, о котором идет речь. ТД же было составлено более чем через двадцать лет после этого, когда автор уже мог что-то забыть.

Кроме того, ТД может служить источником по изучению литературной жизни первых правителей династии Аштарханидов, особенно поэтов Имам-Кули-хана (1019–1051/1611–1642). Надо сказать, что данная антология, в отличие от ТШ, носит исторический характер (хотя автор вначале и говорит, что основной целью его сочинения является упоминание стихов — ТД, л. 12б–13а). В ней более подробно рассказывается о событиях из жизни султанов, иногда описываются их сражения. ТД дает некоторый интересный материал для изучения персидской эпиграфики — в рассказах о Самарканде приводятся надписи, высеченные на различных городских постройках.

Использование ТД вместе с ТШ делает картину литературной жизни Мавераннахра второй половины XVI в. еще более полной и интересной. Думается, надежда нашего автора на то, что всякий мусульманин, изучивший его сочинение, прочтет над его могилой *Фатиху* (ТД, л. 2а), сбылась. И как написал Мутриби в конце своего труда:

شكر كه اين نامه بعنوان رسيد پيشتر از عمر بپايان رسيد
Благодарение, что это послание дошло до адресата,
Достигло своего конца раньше, чем жизнь (ТД, л. 246а).

Список сокращений

ТОВГЭ — Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа
ППВ — Письменные памятники Востока

Summary

Norik B.

The Lives and Works of the 16th–17th Century Historians of Central Asian Literature, Hasan Nithari and Mutribi Samarkandi

This article deals with two most interesting poets and scholars of the 16th century Mavarannahr. Their names are Hasan Nithari and Mutribi Samarkandi. Both of them are the authors of interesting anthologies (*tadhkiras*) which give a sufficiently full picture of the functioning of literary circles.

Both *tadhkiras* give important data for studying literary links between Mavarannahr, India and Iran. In this article a little-studied work by Mutribi *Tarikh-i Jahangiri* is used. This work, written in 1036/1626-27, gives a lot of new details for biography of Mutribi himself as well as for many poets mentioned in his previous anthology *Tadhkirat al-shu'ara* (written 1013/1605). This anthology is one of the main sources for studying biography of Hasan Nithari who was a teacher of Mutribi. The article gives some scenes which illustrate the literary life of Mavarannahr and our authors' biographies. Being rather mediocre poets they made an important contribution to Central Asian literary studies and went down in history as historians of literature. The interest to those *tadhkiras* is caused by the fact that in our anthologies about 600 persons are mentioned while the 16th century is still considered to be a dark period in the history of Persian literature. So with the help of our anthologies as well as some other sources we shall be able to reconstruct the literary life of that period.